

СМЕШНЫЕ ДЕТЕКТИВЫ

Наталья Александрова

Не мяукайте
с неизвестными

Наталья Николаевна Александрова
Не мяукайте с неизвестными
Серия «Детектив-любитель
Надежда Лебедева»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22556637

Не мяукайте с неизвестными / Наталья Александрова: Э; Москва;

2017

ISBN 978-5-699-94264-0

Аннотация

Не сидится Надежде Лебедевой, домохозяйке средних лет, на кухне с телевизором и поварешками. А все потому, что в любимого кота Бейсика вселился дух Шерлока Холмса, и теперь хвостатый сыщик втянет ее в самые неправдоподобные авантюры. Чего стоит одна только история с похищением старинной картины, и не откуда-нибудь, а прямо из Музея чертей, находящегося под охраной сами понимаете кого. Но не тот человек Надежда Николаевна, чтобы отступать перед чертовыми трудностями, особенно когда сам Шерлок вот-вот мяукнет на ухо разгадку страшной тайны...

Книга также выходила под названием «Рыжий кот в темной комнате».

Наталья Александрова

Не мяукайте с неизвестными

© Александрова Н. Н., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Надежда Николаевна Лебедева шла по улице, внимательно глядя себе под ноги, потому что по случаю наступления весны на асфальте было море разлитое. Солнце одинаково бодро играло в огромных лужах и в маленьких лужицах. На мостовую стекали веселые ручейки. Возле домов в тени доживали свой век огромные ноздреватые сугробы. В воздухе пахло весной, а это означает, что букет запахов включал легкий ветерок с не протаявшего еще озера, прелую листву из сквера, немножко бензина и аромат помойки из двора напротив.

Надежда свернула к своему дому. Здесь было почище. Дворничиха Люба как раз сгребала ледовую кашу с тротуара и остановилась поболтать с Надеждиной соседкой Антониной Васильевной. Та в силу возраста и грузной комплекции выползала на улицу редко и гуляла только у подъезда.

Надежда поздоровалась и хотела пройти мимо, но соседка остановила ее вопросом:

– Что, Надя, Михайловы-то уехали?

«А то вы не знаете», – мысленно ответила Надежда. Антонина Васильевна, хоть и редко выходила из дому, но все новости узнавала первой, такая уж у нее была страсть.

– Давно уехали, – вздохнула Надежда. Она шла из магазина, сумки оттягивали руки, но поставить их в такую грязь было невозможно.

Надежда Николаевна старалась жить с соседями в дружбе, а для этого надо было только не сплетничать во дворе и помалкивать, если увидишь что-нибудь лишнее. В случае с Михайловыми, однако, никак нельзя было не ответить на прямо поставленный вопрос – те были ближайшими соседями Надежды. Вот просто дверь в дверь.

Семья Михайловых по-своему была замечательной. Состояла она из мамы, бабушки, двух девочек пятнадцати и семи лет и собаки неизвестной породы по кличке Рыська, тоже дамского пола. Дочки у Раисы, главы семейства, были от разных отцов, которых, надо сказать, ни дети, ни соседи воочию не видели. В общем, ничего выдающегося, жили как все, дети учились, мама работала, бабушка колготилась по хозяйству, собака регулярно убегала по весне, но к осени всегда возвращалась. Прошлой весной та же Антонина Васильевна первой всколыхнула дворовую общественность: Райка снова беременна. Быть не может, ахали соседки, пока сами не убе-

дились: точно, и срок уже приличный. На перешептывания за спиной Раиса не обращала внимания, на прямые вопросы усмехалась любопытным в лицо. Бабушка тоже вела себя на удивление скрытно. Бывало, раньше частенько поругивала она во дворе свою беспутную дочку: не будет, мол, проку. Теперь же только улыбалась тихой улыбкой и качала головой, так что та же Антонина в сердцах плюнула как-то и заявила, что старуха выжила из ума.

В положенный срок Раиса родила двойню – снова двух девочек. Соседки, придирчиво рассматривая близняшек, нашли, что они смуглые и узкоглазые, ничуть не похожи на мать. Гостя с юга нашла, решили во дворе, это уж и вовсе ни в какие ворота не лезет.

Каково же было удивление двора, да что там, всего микрорайона, когда в одно прекрасное утро у подъезда припарковался черный навороченный джип, а из джипа вышел коренастый, дышащий непонятной и грозной силой мужчина с гладкими черными волосами и узкими антрацитовыми глазами. Оказалось, Раисин хахаль вовсе не казах и не киргиз, а якут. А в далекой и холодной Якутии у него имеется не то алмазный прииск, не то золотой рудник, точно никто так и не узнал. И дела идут неплохо, потому что он открыл фирму по изготовлению ювелирных изделий и несколько магазинов в крупных городах России. И теперь как раз достроил загородный дом на Карельском перешейке, прямо на берегу озера, куда и перевозит свою жену Раису с близнецами, а также

ее детей от прежних браков. И еще бабушку и до кучи собаку Рыську.

Многочисленное семейство отбыло на джипе, не взяв в новую жизнь ничего из старой. Через месяц явилась помолодевшая на свежем воздухе бабушка и сдала квартиру – не пропадать же добру. Въехала одинокая молодая женщина, которая держалась тихо: дома бывала редко, мужчин к себе не водила, с подружками посиделки не устраивала, так что Антонине Васильевне никак не удовлетворить было свое любопытство.

Надежда мало чем могла помочь. Сама она с новой соседкой пару раз столкнулась на лестнице, та прошла мимо, не ответив на приветствие, после чего Надежда Николаевна решила делать вид, что она эту особу не замечает. Очень она не любила людей, которые, войдя в лифт, не только не здороваются первыми, но и не отвечают на приветствие вежливых соседей. К тому же соседка как-то чихнула, когда Надежда приблизилась, и поинтересовалась нелюбезно:

– У вас что, кошка?

– Кот, – ответила Надежда, чуть было не добавив, какое этой особе дело до ее Бейсика.

Но смолчала, а особа демонстративно прижала к носу платок и буркнула, что у нее аллергия на кошек.

«Твои проблемы!» – Надежда постаралась, чтобы эта мысль отразилась на ее лице, но соседка отвернулась. После той встречи Надежда Николаевна и вовсе потеряла к соседке

интерес.

Однако от Антонины не так легко было отвязаться. Она поставила перед собой цель – вызнать о новой жилище все. Покамест похвастаться было нечем, потому она и злилась.

– И беспрерывно у нее музыка каждый вечер играет. А то и ночью! – поджала Антонина губы. – Надо бы в ТСЖ обратиться!

– Я не слышала, – Надежда Николаевна пожала плечами и собралась уходить.

– У тебя, Надя, верно, слух не тонкий. – Антонина не могла удержаться от того, чтобы что-нибудь не прибавить ей вслед. – А я так очень хорошо музыку слышу!

Надежда хотела ввернуть ехидно, что, если у самой Антонины слух тонкий, отчего же тогда телевизор у нее орет вечно, как пожарная сирена, но по обыкновению промолчала.

Дома было тихо и душновато. Муж, как всегда, на работе, кот Бейсик спит на диване. Хотя нет, вон он на кухне, внимательно наблюдает за воробьями. Воробьи, надо сказать, ведут себя развязно – орут и летают мимо окна, не обращая внимания на томящегося кота. Весна...

Надежда разобрала сумки и оглядела кухню. То, что она увидела, прямо скажем, не радовало. На ярком весеннем солнце заметны стали пылинки в воздухе, какие-то подзрительные пятна на кафеле, разводы ржавчины в раковине. Оконные стекла мутные от зимней грязи, а изнутри все стекло в следах кошачьего носа. Надо же, вроде бы она следит за

квартирой, растерянно подумала Надежда. Небось и в комнатах не лучше, на покрывалах и коврах полно рыжей шерсти. А только вчера ведь пылесосила!

Нет, хоть и не хочется, но нужно заняться уборкой.

Надежда Николаевна не была фанаткой чистоты, из тех, что способны пристрелить человека, если он рассыпал кукурузные чипсы на свежeweымытый пол. Но все же она считала своим долгом содержать квартиру в порядке. Муж ее Сан Саныч много и тяжело работает для того, чтобы обеспечить приличную жизнь своей любимой жене и обожаемому коту, и имеет право возвращаться в чистый уютный дом.

Надежда согнала кота с подоконника, протерла стекло изнутри, вымыла кафельный пол, вытряхнула на балконе покрывало из спальни, вытерла пыль на шкафах и комодах и приступила к уборке прихожей. Там грязи было больше, и неудивительно – на улице вон что творится.

Она старательно вымела песок и пыль, а затем огляделась по сторонам в поисках кота. Убедившись, что в прихожей его нет, Надежда Николаевна осторожно приоткрыла входную дверь с намерением вычистить коврик, который лежал снаружи.

И тут же рыжая молния метнулась мимо и рванула в открытую дверь на лестницу. Весной кот частенько вспоминал молодость.

Надежда не слишком взволновалась: на их площадке четыре квартиры отгорожены были от лестницы и лифта общей

железной дверью. Побегает Бейсик немножко по тамбуру и вернется, никуда не денется. Но все же непорядок.

Надежда выглянула за дверь.

– Бейсик, тебе же почти одиннадцать лет! – укоризненно сказала она. – Когда уже ты остепенишься?

Кота в тамбуре не было. Все было: пять дверей, четыре коврика – один в виде медведя-панды, один – в клеточку, а на двух других просто написано «Добро пожаловать!». Были еще цветы на подвесной полке и картина – не слишком удачная копия «Девочки на шаре». Картину нашел на помойке сосед с верхнего этажа, ему понадобилась хорошо сохранившаяся рамка. Рамку он использовал под фотографию тещи, а картину по доброте душевной подарил Надежде.

Надежда оглядела тамбур, с ужасом ощущая, как волосы на голове встают дыбом. Кажется, случилось самое страшное, материализовался кошмар котовладельца – кот удрал на улицу. Домашний пушистый котик, чистюля и сибарит! А там грязь, такие глубокие лужи, в которые он может провалиться с головой, злые собаки, гуляющие без намордников, драчливые помойные коты, крысы в подвале и автомобили на дороге!

На негнущихся ногах она подошла к двери из тамбура на лестницу. Дверь была заперта. Надежда завертела головой, так что перед глазами замелькали красные мухи, потом открыла свою дверь и крикнула в глубь квартиры:

– Бейсик! Иди сюда! Кис-кис-кис...

Да куда же он подевался? Надежда Николаевна в панике заметалась по тамбуру и вдруг заметила, что дверь соседской квартиры приоткрыта. Да-да, той самой, Раисиной.

– Рая! – позвала Надежда, стоя на пороге. – Ты дома?

И тут же вспомнила, что Рая со своим якутом теперь проживает в загородном доме, а здесь квартирует незнакомая неприветливая девица, и Надежда даже не знает, как ее зовут.

– Эй, – слабым голосом позвала она, – есть кто дома? Мой кот к вам забежал!

Ответа не было.

В квартире стояла полная тишина. Надежда тихонько пересекла прихожую и заглянула на кухню. Никого. В раковине киснет немытая посуда, столешница в жирных пятнах, на полу ошметки пыли. Да, у бабушки-то порядок был, не то что у этой...

Надежда тут же опомнилась – какое ей до всего этого дело? Ей нужно ловить кота и уходить из чужого дома. Потому что безголовая девица, надо думать, просто забыла запереть входную дверь. И может вернуться, если об этом вспомнит. И тогда ей, Надежде Николаевне Лебедевой, добропорядочной женщине средних лет, будет ужасно неловко.

– Бейсик! – позвала она отчаянным шепотом. – Ты где, паршивец? Где ты прячешься?

Тут из-за двери кладовки раздался сначала шорох, а потом глухое бряканье, как будто там что-то уронили и это что-

то не разбилось, а покатилося по полу.

Надежда протиснулась в кладовку, совершенно забыв включить свет, ударилась ногой о гладкое и твердое, чертыхнулась и снова позвала Бейсика. Тот не отозвался, но в глубине кладовки раздался характерный шорох. Незадачливая хозяйка шустрого кота поморщилась, потерла ногу и покосилась на тот твердый предмет, о который ушиблась.

Это был пылесос. Он притаился в углу, победно выставив трубу, как слон задирает хобот перед тем, как броситься в атаку.

В это мгновение дверь кладовки с ревматическим скрипом закрылась, то ли под действием сквозняка, то ли в силу собственного подлого характера. Стало гораздо темнее, только в самой глубине кладовки загорелись два изумрудно-зеленых огня.

– Бейсик, чтоб тебя, – проговорила Надежда и двинулась на эти огни, с опаской обходя выступающие из темноты предметы.

Кот хотя бы не убежал. Он сидел на прежнем месте на полке с чемоданами и с интересом наблюдал, как хозяйка с риском для жизни пробирается к нему, огибая коварно притаившиеся в темноте швабры, щетки и другие нужные в хозяйстве мелочи.

Наконец Надежда добралась до кота, обхватила его и проговорила, с трудом переводя дыхание:

– Бейсик, скотина неблагодарная, что же ты себе позво-

ляешь? Втянул меня в такую историю! Представляешь, что будет, если соседи застанут нас здесь?

Бейсик отчетливо фыркнул и искоса взглянул на хозяйку. В его зеленых разбойничьих глазах она прочитала:

«Будет весело!»

Прижимая к себе кота, Надежда развернулась и осторожно двинулась в обратный путь.

И в этот миг входная дверь квартиры скрипнула, и из прихожей донеслись шаги и голоса.

Так и есть, хозяйка вернулась! Надежда Николаевна почувствовала себя очень неуютно. Придется выходить и каяться.

«Все из-за тебя, паршивец, – она тряхнула кота. – Все мои неприятности из-за тебя!»

Бейсик не зашипел в ответ и не попытался цапнуть, он весь напрягся и дрожал. Надежда прижала его к груди и прислушалась.

Голосов в прихожей было два, мужской и женский.

– Если бы я с самого начала знала, чем это обернется, – проговорила женщина, скорее всего та самая, которую Надежда несколько раз встречала на площадке.

– Можно подумать, что ты ничего не знала, – перебил ее мужской голос. – Нечего теперь изображать невинную овечку! Ты прекрасно понимала, на что идешь.

Надежда замерла перед самой дверью.

Она разрывалась между двумя противоположными наме-

рениями.

Самым правильным, конечно, было выйти, попросить у соседей прощения, объяснить, как все случилось, и побыстрее ретироваться со спасенным котом на руках.

Но какая-то ее часть противилась этому простому и естественному решению. Этой ее части такое решение вовсе не казалось простым и естественным. Наоборот: было совершенно невозможно появиться перед соседями в таком дурацком виде – с котом на руках, в далеко не новых спортивных брюках и домашних тапочках.

Подумав о тапочках, Надежда неожиданно осознала еще одну вещь, которая до сих пор не доходила до нее в пылу охоты за котом. Одна ее нога сейчас была в тепле и уюте, вторую же охлаждал напольный кафель.

Говоря попросту, одна ее нога оказалась босой.

Надежда опустила глаза и удостоверилась в этом неприятном открытии.

Она где-то потеряла одну тапку.

Это окончательно решило вопрос. Появиться перед соседями в затрапезной футболке, вытянутых на коленях штанах и тапочках – это, конечно, неприятно, но появиться перед ними в одной тапке было решительно невозможно. Ведь учат же нас в дамских журналах, что всегда надо выглядеть прилично, в любом месте и в любое время суток. Днем и ночью, в будни и в праздники. «Ага, – немедленно огрызнулась в ответ себе же самой Надежда, – я же квартиру убираю, в пы-

ли вожусь. Что, мне делать это в вечернем платье?»

Дверь кладовки была закрыта неплотно. Надежда Николаевна закусила губу и осторожно выглянула в щелку.

Она успела разглядеть мужское плечо в черном пальто, плоский затылок, темные волосы. Вот мужчина исчез из ее поля зрения, и его сменила женщина, несомненно, та самая, которую Надежда видела в последнее время перед соседней квартирой. Ее светлый кожаный плащ и пышные волосы цвета топленого молока.

Разговор на повышенных тонах продолжался.

– Я знала, что дело нечисто, – говорила женщина с тем странным напряжением, какое бывает, когда родители ссорятся, но стараются не разбудить спящих детей, то есть пытаются говорить вполголоса, но то и дело срываются на крик. – Я знала, конечно, но не представляла, до чего вы можете дойти!

– Ой, вот только не надо этого, – процедил мужчина. – Только не заводи старую песню! Ты в этом деле по самые уши, и если что-то пойдет не так, ты будешь первой, кто...

– Не надо меня пугать! – выкрикнула женщина. – Я прекрасно знаю, чем мне это грозит, но больше не хочу в этом участвовать! Я пойду сама знаешь к кому и скажу...

Ссорящаяся пара прошла мимо кладовки и скрылась в комнате. Голоса стали глуше, но раздражение и злость, кажется, только нарастали. Надежда чуть шире приоткрыла дверь, выглянула в коридор и увидела совсем недалеко оди-

ноко валяющуюся тапку. Она огляделась, заметила справа от двери старый мужской зонтик и ухватила его правой рукой, левой продолжая прижимать к себе Бейсика.

При этом она, должно быть, прижала его слишком сильно, потому что кот издал недовольное утробное урчание и попытался вырваться.

– Тише ты, – шикнула на него хозяйка и, высунув зонтик в коридор, попыталась дотянуться до тапки.

В комнате по-прежнему спорили на повышенных тонах.

– Ты этого не сделаешь, дура! – мужчина пытался сдержаться, но злость так его распирала, что он почти кричал. – Идиотка, совесть у нее, видите ли, разыграла! Так я и поверил!

Надежда Николаевна поежилась – в такой момент лучше человеку под руку не попадаться. Эти двое и так на взводе, а если увидят ее, то непременно решат сорвать злость на ней. Еще подумают, что она нарочно подслушивает.

Бейсик внезапно дернулся, Надежда от неожиданности выпустила зонтик из рук, и тот шлепнулся на пол с довольно громким стуком. Сердце у Надежды ухнуло вниз. Вот сейчас эти двое явятся на шум и увидят ее, прячущуюся в кладовке. Она умрет от стыда!

Надежда скорчилась на холодном кафельном полу, страстно желая очутиться сейчас на мягком диване в своей гостиной. Только бы уйти отсюда незамеченной, и она больше никогда и ни за что не станет ввязываться ни в какие

неприятности. Даже кота не отлупит за хулиганство!

Бейсик вел себя тихо. В комнате по-прежнему гудели два раздраженных голоса.

Надежда снова приоткрыла дверь кладовки. Зонтик, падая, задел тапку, и она выкатилась на середину прихожей. Теперь, если эти двое выйдут, они не смогут ее не заметить. И зонтик еще рядом...

Надежда решительно схватила зонтик и подгрестила им тапку к себе. Затем надела ее на ногу и почувствовала непонятное облегчение. Хорошо бы теперь выскочить из квартиры незаметно. Пускай эти двое там ругаются, ей нет до них никакого дела.

Однако входная дверь, которую она видела из кладовки, теперь была заперта. И пока Надежда будет греметь замками, ее услышат.

Она задумалась на мгновение и тут услышала из комнаты женский крик:

– Ты что? Не на...

Крик захлебнулся, потом упал стул, еще что-то грохнуло, мужчина рыкнул, и Надежда поняла, что те двое дерутся. Вот еще неприятность! Теперь соседи услышат шум и вызовут, чего доброго, полицию. И все узнают, что Надежда Николаевна, уважаемая женщина, шастает по чужим квартирам. Та же Антонина Васильевна мигом разнесет эту новость по всему двору, уж она-то умеет. И пойдут разговоры: у Савушкиных из второго корпуса обнесли квартиру, взяли две шубы,

золотишко и пять тысяч денег (больше умные люди в квартире не хранят). Обнесли, ясное дело, среди бела дня, когда вся семья была кто на работе, кто в школе. Соседи не видели никого подозрительного, но может, и не было никого чужого? Может, это Надежда Николаевна подсуежилась?

Зинаида Пална из соседней парадной, приехав с дачи, хватилась новых зимних сапог. Коробка лежала на шкафу, а тут как корова языком слизала. Что с того, что весь дом знает, что сапоги продал ее племянник Витька, пьяница и вор. Зинаида теперь все свалит на Надежду: своя-то кровь роднее.

Людам только повод дай – придумают, чего не было.

Из комнаты раздался вдруг долгий и страшный стон. Через мгновение он затих, как будто у женщины не было больше сил издавать эти звуки. Потом послышалось хриплое дыхание мужчины, и впечатление было такое, как будто он делает трудную и тяжелую работу. Вот он крякнул и перевел дыхание, и сразу вслед за этим на пол упало что-то тяжелое и мягкое – тук с тряпками или ватный матрас.

Волосы у Надежды отчего-то встали дыбом. Бейсик прижался к ней всем телом, дрожа и, кажется, стуча зубами. Или это она, Надежда, стучала зубами, а кот от нервов царапал хозяйку когтями?

От боли Надежда пришла в себя и снова прислушалась. В квартире стояла абсолютная тишина. Не могут два человека сидеть так тихо. Да что там у них происходит?

И вот, когда она уже отчаялась и решила наплевать на все

и вылезти из кладовки, чтобы посмотреть, какого черта происходит в комнате, оттуда послышался скрип, потом кто-то шагнул, вздохнул тяжело, потом повернули что-то громоздкое, а потом мужской хриплый голос пустился растерянным матом. Очевидно, это не помогло, потому что голос хрипло простонал:

– О-ох...

Надежда попыталась представить, как этот мужчина схватил себя за волосы и раскачивается, повторяя бессильно свое «ох». Так может себя вести только человек в крайней степени отчаяния, когда свершилось непоправимое и сделать уже ничего нельзя.

Неужели он ее убил? От этой мысли она дернулась и едва не своротила пылесос. Да не может быть! Вот так вдруг?..

Но мысль эта, которую Надежда усиленно отгоняла, уходит категорически не хотела. Она вертелась в голове и так и этак, стремясь устроиться поудобнее, и наконец Надежда Николаевна поняла, что избавиться от этой мысли не удастся. По природе своей она была женщиной смелой и решительной, поэтому и сейчас не стала падать в обморок и визжать – что толку? Вместо этого пора было включать мозги и решать, права она или нет. В самом деле: то ругались эти двое, прямо в крик, потом, очевидно, дрались, а теперь женщину не слышно – не кричит, не стонет. Стало быть, он ее в пылу ссоры приложил чем-нибудь или ударил сильно – мужик, судя по всему, здоровый. Если бы она просто сознание

потеряла, он бы суетился, тряс ее, по щекам лупил, чтобы в себя привести, а он только охает. Стало быть, дело плохо, ничем ей уже не поможешь. Потому и «Скорую» этот тип не вызывает. И что теперь ей-то, Надежде, делать? Она нежелательный свидетель, а свидетелей никто не любит.

Снова в комнате задвигались, после чего она уловила в своей кладовке запах дыма. Однако. Не слабые, видать, нервы у мужика, если он спокойно может курить рядом с убитой.

Бейсик пошевелился у Надежды под боком и посмотрел жалобно. Он, очевидно, тоже хотел очутиться как можно дальше от этой квартиры. Лучше всего на мягком диване в гостиной. Или на кухне у батареи. Но можно и просто на подоконнике.

Послышались шаги и шорох.

– Черт, куда я его задевал? – недовольно ворчал мужчина.

Надежда поняла, что он роется в карманах куртки. Потом послышался негромкий писк. Все ясно, звонит по мобильному. Неужели все же решил вызвать «Скорую»? Или полицию? И теперь Надежду замешают в дело об убийстве...

Она почувствовала, как по спине стекают холодные струйки пота. «Господи, пронеси!» – только на это и хватило сил.

– Алло, это я. – Услышала она голос. – Нет, не совсем в порядке. Проблемы у нас. Не по телефону. Ты подгони сейчас машину прямо к подъезду. Что с того, что места нет? Найди! А сам поднимайся срочно! Мне одному с этим не управиться.

«Будут избавляться от трупа, – подумала Надежда. – Интересно, каким образом? Очевидно, вывезут за город и бросят в какой-нибудь овраг или просто в канаву...»

Она устала бояться и уселась поудобнее. Послышался звонок, и в прихожую ввалился кто-то большой и шумный.

– Что здесь у тебя? – гаркнул он.

– Сам посмотри, – буркнул первый.

Второй протопал в комнату, и оттуда послышался его изумленный мат.

– Ты даешь! – протянул он, вернувшись в прихожую. – Этак можно все дело испортить! Кто нам теперь...

– Не ори, – цыкнул первый, – стены здесь картонные, все слышно.

– А с ней чего делать?

– Нужно ее из квартиры вывезти срочно. Здесь должно быть чисто. Главное – чтобы документов при ней не было никаких... А сейчас выйдем – вроде бы пьяная она, а мы под руки ее ведем.

– Угу, – засомневался первый. – Ты на рожу-то ее посмотри. Сама синяя, язык вывалился. До такого состояния даже мой дядька не напивался, а уж он по этому делу спец был. С детства помню: по пятницам до дома никогда не доходил. Во дворе лужа, там он и приземлялся. Уже все соседи знали – кричали в окно: «Клава, твой опять в луже отдыхает!» Тетка сразу бежит его поднимать. А после получки вообще домой не являлся, в вытрезвитель его обязательно забирали.

Но чтобы с такой рожей – это ни-ни, дядьку всегда узнать можно было...

– Ладно, устроил, понимаешь, вечер воспоминаний, – фыркнул первый голос. – Ты лучше предложи что дельное.

– А что? Положить ее куда-нибудь – в чемодан там или в сумку...

Надежда в кладовке едва не окочурилась со страху. Им нужен чемодан – да вот же он стоит на полке! Сейчас они полезут сюда и первым делом увидят их с Бейсиком. И если до того оставалось надежда, что с одним мужиком она справится, то против двоих ей точно не устоять.

– Не, в чемодан нельзя, – после недолгого раздумья протянул первый мужчина. – Чемодан нужен большой, а если мы по лестнице с таким пойдем, кто-то может подумать, что мы квартиру обворовали. Привяжутся, шум поднимут. Запомнят, в общем.

– Точно, – согласился второй, – там у подъезда такая бабка вредная дежурит. Сама как слон и голос как у слона. Увидела, что я малость на газон заехал – как давай орать! Еле отбилась.

«Антонина это», – усмехнулась про себя Надежда.

– В ковер ее завернем, – распорядился первый. – Здесь такой ковер драный, что никто не подумает...

Точно, Надежда вспомнила, что палас на полу у Раисы был сильно потертый – истоптали его дети и собака. Такого даже Антонина не пожалеет.

В комнате послышалась возня, потом мимо двери кладовки пронесли что-то тяжелое, снова раздался мат – это один из мужчин споткнулся о зонтик, после чего хлопнула дверь, и все стихло.

Надежда без сил прислонилась к стене. Через некоторое время кот Бейсик пошевелился и тронул ее лапой. «Некогда рассиживаться, – говорил его взгляд. – Быстро рвем когти отсюда!»

Надежда не могла не признать правоту кота. Усилием воли она собрала себя с пола и приоткрыла дверь кладовки. В квартире стояла гулкая тишина. На негнущихся ногах она подошла к входной двери. К счастью, у Раисы был замок, который изнутри можно открыть без ключа. Дрожащими руками Надежда Николаевна нажала на ручку. Мелькнула мысль, что надо бы протереть ручку и замок, чтобы ничто не связывало ее с убийством, но сил на это уже не было. Оглянувшись напоследок, она остановила взгляд на кожаном плаще, брошенном прямо на пол под вешалкой. Плащ был порван на плече: здоровенная дыра, не зашить, не заклеить. Впрочем, его хозяйке плащ уже не понадобится.

Надежда осторожно высунула голову на площадку. Тихо. Хорошо, что Антонина Васильевна живет на другом этаже. Она вечно болтается по лестнице, никуда от нее не скрыться. А у них все люди работающие, один сосед вообще в командировках месяцами торчит, так что сейчас дома никого нет. Надежда поудобнее перехватила кота и захлопнула за

собой дверь чужой квартиры. Затем одним тигриным прыжком оказалась у своей двери. И квартиру-то не закрыла, идиотка несчастная, так нараспашку и оставила. Все из-за кота, чтоб его, прости господи...

Только в собственной прихожей она смогла перевести дух и унять колотящееся сердце. Кот выпал из ослабевших рук и плюхнулся на пол, как тесто из кастрюли. Но тут же сгруппировался и улепетнул на всякий случай с Надеждиных глаз долой. Он знал, что, если хозяйку разозлить, она бывает очень вредной. Отлупит еще газетой или тапкой. Не слишком больно, но унижительно. Надежда же и думать забыла о коте. Ей было страшно. Однако не в ее характере было давать волю нервам. Нужно успокоиться, принять душ и переодеться, потому что в кладовке у соседей было, прямо скажем, грязновато. А потом она выпьет чаю и поразмыслит над случившимся в спокойной обстановке.

Она потащилась в ванную, но споткнулась о порог и бросила взгляд вниз. И едва не свалилась на пол от неожиданности, увидев собственные ноги в домашних тапочках.

Дело в том, что тапочки были разные. То есть, в принципе, это были самые обычные домашние тапки, пушистые и без задников, такие в любом магазине продаются. Просто на левой ноге была тапка голубая с симпатичным дельфинчиком, а на правой – розовая, с не менее симпатичным зайчиком.

Надежда ахнула и опустилась на синенький пуфик, стоящий в прихожей. Прихожая была оформлена в серо-голубых

тонах: голубой кафель, серебристо-серые стены, темно-синий шкаф-купе и два пуфика. Очевидно, поэтому кот Бейсик не очень любил проводить время в прихожей – он к ней не подходил по цвету. Другое дело гостиная, где стены бежевые, занавески золотистые, а мебель приятного орехового оттенка. Рыжий кот там очень уместен.

Пытаясь сосредоточиться на тапочках, Надежда вспомнила, что ее были голубыми, под цвет прихожей. А это вульгарное розовое безобразие она подцепила в той ужасной квартире. Подцепила в буквальном смысле – зонтиком. Не разобралась со страху, увидела одинокую тапку и решила, что это ее. И что теперь делать? Дверь соседской квартиры она захлопнула, туда не попасть. Да она ни за какие коврижки туда не пошла бы! Хватит уже, чуть и так со страха не умерла.

Надежда сняла несчастную розовую тапку и оглядела ее со всех сторон. Почти новая, стало быть, не от Раисиного семейства осталась. Те раньше по бедности и правда все до дыр занасивали.

К подошве приклеилась какая-то бумажка. Надежда машинально ее оторвала – использованный билет. Не в кино, не на троллейбус, не в театр и не на выставку.

Билет был в музей. Так и написано: «Музей чертей». Работает с десяти до восемнадцати, выходной – воскресенье. Дальше адрес и цена – пятьдесят рублей.

Вот еще новость, Музей чертей. В жизни она не слышала о таком музее. Впрочем, город большой, чего в нем только

нет.

Надежда решительным шагом отправилась на кухню и сунулась в мусорное ведро. Так, пакет полупустой. Одну тапку она сунула прямо туда, к мусору, а вторую завернула от-дельно.

«И ничего не знаю, – думала она, закрывая крышку мусоропровода. – Нигде не была, ничего не видела, никаких тапочек не теряла. Пусть докажут!»

Вернувшись в квартиру, Надежда Николаевна поняла, что душ подождет, потому что если она немедленно не выпьет чай, нет, лучше кофе, то просто умрет от стресса.

Она сварила большую чашку кофе с молоком и намазала сухарик обезжиренным творогом. Потом подумала и сделала еще бутерброд с ветчиной (без масла). Потом махнула рукой на все и разогрела в печке круассан с вареньем.

Круассан подействовал как положено, и Надежда Николаевна наконец смогла думать спокойно обо всем, что случилось в квартире напротив.

А случилось там убийство. Судя по всему, мужчина, который пришел с той нелюбезной девицей, не собирался ее убивать. Но она его довела, что называется, до греха. Что-то она ему кричала, угрожала, что куда-то пойдет, к кому-то обратится. Он ей в ответ: «Не строй из себя дурочку совестливую». И непонятно, кто прав.

То есть убивать, конечно, нехорошо, опомнилась Надежда. Хоть девица ей и не нравилась, это еще не повод ее ду-

шить. Точно, он ее задушил. Этот второй красочно так описывал: морда синяя, язык вывален...

Надежда поежилась и налила себе еще кофе.

На кухню явился Бейсик. Он и раньше слышал шум открываемого холодильника, но побаивался и выжидал. Теперь, рассчитав, что после кофе хозяйка станет добрее, он решился на вылазку.

Осторожно ступая, кот приблизился к Надежде и потерял пушистой щекой о ее ноги. Надежда машинально взяла его на руки и почесала за ухом.

– Мурм-м? – спросил кот.

Это означало: «Не забыла ли ты, что животное тоже хочет есть?»

– Забудешь с тобой, как же, – проворчала Надежда. – По хорошему надо бы тебя наказать...

Но руки сами уже отрезали коту солидный кусок ветчины. Бейсик удовлетворенно заурчал и подхватил ветчину на лету, как собака. Надежда вздохнула и решила, что пора перестать думать о неприятном. Нужно заняться неотложными делами, скоро муж придет, а у нее суп не заправлен и второго нет. «Это безобразие, – немедленно осудила она себя, – муж так много работает, а сейчас весна, организм ослаблен, ему нужно полноценное питание. И витамины».

Усилием воли Надежда выбросила из головы ужасное происшествие и сосредоточилась на своих обязанностях жены и хозяйки.

На первое был суп с клецками, на второе – курица по-име-ретински, тушенная с грецкими орехами, чесноком и мятой. Сан Саныч у себя днем суп не ел, говорил, что Надежди-ны супы вкуснее, чем в любом ресторане. Надежда так разо-шлась, что даже запекла на третье кислые яблоки с сахаром и корицей – все-таки какие-никакие витамины.

Она успела привести себя в порядок, вычесать кота и погладить пару пододеяльников, когда почувствовала, что больше так не может. Душу точил неприятный червячок. Да что там, огромная длинная змея поселилась у нее в душе. Подколотная гадюка шипела, что Надежда только притворя-ется порядочным человеком, а на самом деле она такая же, как все, черствая и равнодушная особа, которая думает толь-ко о еде и удовольствиях. Где ее совесть? Где гражданское мужество? Ведь на ее глазах произошло убийство, она даже знает, кто преступник, и молчит. А это равносильно соуча-стию в убийстве.

Перед глазами проходила картина: вот тело, завернутое в старый Раисин ковер, вот его везут в багажнике машины, а потом останавливаются ночью в пустынном месте и выбра-сывают в глубокий овраг, склоны которого покрыты мертвой глинистой землей, а на дне протекает ручей с мутной водой. Никто никогда не спустится к этому ручью, никто не обна-ружит убитую. А если и найдет случайно, побежит человек с того места без оглядки. Звери и насекомые рано или поздно сделают свое дело, и страшно подумать, что будет с телом

девушки через несколько месяцев. Был человек – и нет. А ведь это женщина, молодая, красивая. Что с того, что неприветливая и не здороваается в лифте? За это не убивают.

«Но что я могу? – слабо возражала самой себе Надежда Николаевна. – Допустим, я пойду в полицию и расскажу там обо всем. Оставим в стороне вопрос, как долго я буду ждать, чтобы меня выслушали, как меня будут пинать и футболить по кабинетам и инстанциям. Ладно, допустим, я достучусь до нужного человека, и он даже найдет время, чтобы выслушать меня, и примет заявление. Что я ему скажу? Что видела убийство? Но ведь я фактически своими глазами ничего не видела, я только слышала. Этих двоих тоже в глаза не видела, девицу убитую представляю довольно смутно, даже имени ее не знаю. А самое главное: где тело? Увезли на машине? На какой? А я понятия не имею. И после такой, с позволения сказать, беседы будет хорошо, если меня не объявят ненормальной. В лучшем случае обругают и выгонят с позором».

«Хитриш-шь, – шипела змея, – дурой притворяеш-шь-ся...»

«И то верно», – в смущении согласилась Надежда Николаевна. Имя потерпевшей можно выяснить у матери Раисы, она ведь сдавала девушке квартиру, стало быть, паспорт видела. Номер машины тоже не проблема, поскольку ее водитель имел несчастье въехать на газон, а стало быть, нажил непримиримого врага в лице Антонины Васильевны. И номер машины она непременно заметила и записала, не наде-

ясь на память.

«Все это так, – вяло возражала она самой себе, – но не зря население смотрит столько полицейских сериалов. Теперь у нас и пятилетний ребенок знает, что, если нет заявления от родственников, полиция и смотреть в ту сторону не будет. Такой закон, ничего не попишешь».

Но человека-то убили. А вдруг у этой женщины остались дети?

И хотя Надежда Николаевна была почти уверена, что детей у девицы нет, не потому, что слишком молодая, а просто вид такой, бездетный, змея все грызла и грызла ее душу.

В конце концов она пришла к выводу, что надо посоветоваться с мужем. Такое решение далось ей нелегко.

Дело в том, что муж Надежды Николаевны Сан Саныч очень не одобрял интерес супруги ко всякого рода криминальным приключениям. Он говорил, что увлечение авантюрами и сомнительными загадками ни к чему хорошему не приведет. Но что делать, если Надежда буквально притягивала эти самые авантюры? Вроде бы все знакомые у нее – приличные люди, а вот нет-нет да и случится с ними какая-нибудь история. Надежда немедленно рвалась историю эту разгадывать, чтобы помочь человеку выпутаться из беды. «Даже когда об этом не очень-то просят», – ехидно добавлял Сан Саныч. Он, понятно, любил жену и беспокоился за нее, но некоторый сарказм был ему не чужд.

Пару раз Надежда действительно сделала такую глупость –

рассказала мужу все честно, ничего не утаивая и не приукрашивая. Сан Саныч тогда устроил ей грандиозный скандал. Он кричал, что его жена – легкомысленная особа и совершенно не думает о собственной безопасности, лезет очертя голову в сомнительные истории, не представляя себе, какими могут быть последствия. А последствия эти могут быть самыми страшными, просто гибельными, потому что преступники церемониться не станут. И что как веревочке навиться, а конец все равно будет. И что коготок увяз – всей птичке пропасть. И еще много всякого в таком духе.

Поэтому Надежда Николаевна взяла за правило ничего мужу не рассказывать. Нет, конечно, они о многом говорили: обсуждали семейные дела, прочитанные книги, увиденные спектакли. Еще Надежда терпеливо выслушивала рассказы мужа о работе, когда он приходил усталый и раздраженный после тяжелого дня. Опытным замужним женщинам хорошо известно, что, если ты его не выслушаешь, рано или поздно найдется такая, которая выслушает, посочувствует, утешит, приободрит... Бог знает, чем это может закончиться.

Но о своих приключениях Надежда старалась помалкивать. Себе самой она всегда повторяла, что не обманывает мужа, просто ради его же спокойствия умалчивает о некоторых вещах.

Но сегодня был не тот случай. Она ни в чем не виновата и никуда не лезла, а просто случайно оказалась в той квартире. И вовсе она не собирается расследовать то убийство, а всего

лишь хочет посоветоваться, как ей теперь быть.

Сан Саныч – человек справедливый, умный и законопослушный, и ничего удивительного, что Надежда Николаевна решила переложить решение сложного вопроса на него. В конце концов, для чего нужны мужья? Чтобы принимать решения. Вот пускай и принимает. Как он скажет, так она и сделает. Скажет заявить в полицию – заявит. Скажет выбросить всю историю из головы – с нашим удовольствием!

Надежда повеселела и встретила вернувшегося с работы мужа ласковой улыбкой.

После обеда она выслушала множество похвал и терпеливо выждала полчаса, которые отводились на послеобеденные нежности хозяина с котом. Надежда давно уже заметила, что то ли Бейсик научился мурлыкать по-человечьи, то ли муж научился понимать кошачий язык, но Бейсик мог наябедничать на Надежду, и Сан Саныч всегда к нему прислушивался. На этот раз, однако, кот вел себя прилично. Понимал все же, что по его вине они провели сорок ужасных минут в кладовке чужой квартиры.

Надежда походила немного по комнате и решилась.

– Знаешь, Саша, – сказала она легким голосом, – тут сегодня такая вещь странная случилась...

– Да, – муж поднял голову, – что такое?

– Да, в общем, ничего особенного, – продолжала она, осторожно подбирая слова, – но Бейсик выскочил из квартиры и...

– Что-о? – Сан Саныч внезапным рывком вскочил с дивана, так что кот, никак не ожидавший такой прыти, скатился с его колен и недовольно зашипел.

Но хозяин этого даже не заметил.

– Бейсик? – спросил он грозным голосом. – Бейсик вскочил на лестницу?

– Не на лестницу, – рассмеялась Надежда Николаевна, не почувствовав еще приближения грозы, – просто в тамбур.

– Та-ак, – протянул муж зловеще. – Та-ак...

– Что так? – Надежда забеспокоилась. – Что такого случилось?

– Ты так спокойно об этом говоришь? Надежда, сколько раз я просил тебя следить за котом! Ты что, не понимаешь, что сейчас весна и у животного повысилась активность?

– Ага, сексуальная, – скривилась Надежда Николаевна, – непонятно только с чего...

Кот, выглядывающий из-за двери, поглядел на Надежду с упреком, не будем, мол, об этом, мало ли у кого какие интимные проблемы. Вот у тебя, к примеру, лишний вес, так я же не кричу об этом на всех перекрестках. А мог бы, потому что знаю точно, сколько у тебя лишку, неоднократно присутствовал при взвешивании.

Муж ее переглядываний с котом не заметил, он был полон праведного гнева.

– Надежда, – строго продолжил он, – я тебе просто удивляюсь! Вроде бы взрослая женщина, неглупая, с высшим об-

разованием, а рассуждаешь, как деревенская бабка. Это у них там к животным отношение потребительское: не дает корова молока – на живодерню ее, не может собака дом сторожить – пристрелить, чтобы даром не кормить.

– При чем здесь коровы, – попыталась оправдаться Надежда, – мы же не в деревне живем...

– Вот именно! – загремел Сан Саныч, нависая над ней, как темно-фиолетовое грозное облако нависает над озерным пляжем где-нибудь в Ленинградской области, пугая отдыхающих, которым и спрятаться-то негде. – Вот именно! – гневно повторил муж. – Это им все равно, какой кот, сегодня серый, завтра черный, лишь бы мышей ловил. А у нас он один. Член семьи!

– Главный, – протянула Надежда, но муж сделал вид, что не заметил подсказки.

Кот с порога смотрел ехидно: что, съела? «Негодяй», – привычно подумала Надежда.

– Ведь сколько раз говорил! – Муж в ярости бегал по комнате, так что Бейсик, решившийся было войти, отступил назад – как бы случайно не зашиб хозяин в пылу скандала. С одной стороны, кот этих шумных выяснений отношений не любил, с другой – всегда радовался возможности приструнить Надежду. Извести ее совсем он и не пытался: во-первых, хозяин отчего-то эту женщину любит, а во-вторых, он много работает, а сидеть целыми днями одному скучно. И есть хочется.

– Твержу и твержу, уже, кажется, мозоль на языке натер, а ей как об стенку горохом!

Надежда Николаевна была дамой воспитанной и сдержанной. То есть хотела ею быть. Кроме того, она очень уважала и любила мужа. Но это, однако, переходит всякие границы. Она не девчонка, чтобы выслушивать нотации, да еще высказанные таким тоном! Следует такое безобразие прекратить.

– Сашенька, ничего же не случилось, – примирительно начала она. – Вот же он, Бейсик, в полном порядке...

Но если дело касалось его обожаемого кота, Сан Саныч терял чувство меры. Вместо того чтобы успокоиться, потребовать внеочередного чая, посадить на колени кота и выдать ему порцию вкусенького, он еще больше разъярился.

– Вот чего я не понимаю, так это твоего наплевательского отношения к серьезным вещам! – сказал он, глядя на жену с неприкрытой ненавистью, хотя, может, ей это только показалось. – Казалось бы, все делаю, чтобы тебе хорошо жилось: работаю, деньгами обеспечиваю. А взамен требую только одного – чтобы ты смотрела за котом. И что? Даже этого она не может!

– Та-ак, – произнесла Надежда с очень похожей интонацией. – Та-ак, – повторила она, закипая, – дождалась, стало быть. Давно этих слов ждала и вот теперь дождалась. Значит, ты считаешь, что я сижу на твоей шее и ничего не делаю? Куском попрекаешь?

– Не передергивай! – слегка опомнился муж. – Вовсе я

такого не говорил!

Но Надежду уже несло.

– Не ты ли сам требовал, чтобы я оставила работу? – заорала она, постепенно все больше распаяясь. – Не ты ли уговаривал меня отдохнуть и заняться домом? И радовался, когда это случилось! И я согласилась, а что получила взамен? Бесконечные магазины, уборку и стояние у плиты! А вечером ты приходишь злой, как стая бездомных собак, и упрекаешь меня в том, что я целыми днями валяюсь на диване, смотрю телевизор и истязую кота?

– Я насчет телевизора ничего такого не говорил, – поспешил откреститься муж.

– Завтра же устраюсь на работу! – объявила Надежда. – Куда угодно: хоть в регистратуру районной поликлиники, хоть приемщицей в химчистку, если диплом мой никому не нужен!

– Надя, я совсем не то хотел сказать, – муж опомнился и пошел на попятный.

– Надо же, до чего договорился! – бушевала Надежда. – Куском попрекает!

– Я не попрекал тебя куском! – муж тоже повысил голос.

Кот, глядя на такое безобразие, махнул лапой и ушел на кухню. Сан Саныч поглядел ему вслед и тоже ушел – в кабинет, к компьютеру. Надежда плюхнулась на диван и включила телевизор. Там очень некрасивые молодые люди очень плоско и глупо шутили со сцены, зрители же прилежно сме-

ялись.

«Какая же я дура, – думала Надежда, приглушив звук. – Ведь, кажется, решила уже, что ничего не стану мужу рассказывать. Себе дороже обойдется! Так нет, снова наступила на те же грабли! Учит жизнь, учит, а все без толку».

Рядом материализовался кто-то теплый и пушистый. Это Бейсик явился просить прощения.

– Все из-за тебя, – привычно вздохнула Надежда.

«Сама виновата, нечего было язык распускать», – просемафорил кот желто-зелеными глазами.

Кот прижался к Надежде и тихонько мелодично запел. Когда Сан Саныч вошел в гостиную, он застал своих любимых членов семьи сладко спящими на диване.

Прошло два дня. Надежда за это время помирилась с мужем и по зрелом размышлении выбросила из головы историю с убийством соседки. В самом деле, никто этой девицей не интересовался, даже Антонина Васильевна, так что так тому, видимо, и быть.

Муж принял ее слова о тяжелом домашнем труде буквально и в наступившие выходные решил Надежду развлечь. В субботу они ездили на дачу к приятелям, а в воскресенье ходили в театр, так что все домашние дела она забросила. В супермаркет муж свозить ее не успел, но взял с жены слово, что тяжелых сумок она таскать не будет. Во вторник он вернется пораньше, а пока они обойдутся тем, что есть в холодильнике. Надежда слово легкомысленно дала, потому что

очень хотелось спать.

Утром она провела ревизию холодильника и приуныла. В морозилке отдыхали мороженая треска и пакет фарша. Надежда Николаевна представила, в какое неистовство придет кот при виде огромной рыбины и сколько нервов ей придется потратить, чтобы отбиться от его приставаний, и решила сделать котлеты из фарша. А суп она сегодня сварит из сушеных грибов. Вон они, голубчики, лежат в буфете, отборные белые, сама собирала и сушила на костре, когда они ездили в сентябре к приятелям, у которых дом в деревне под Вологдой.

Надежда замочила булку, разморозила фарш, достала из шкафчика соль, специи и похолодела: в доме нет ни зубчика чеснока!

Казалось бы, что такое чеснок? Не самый важный продукт, не предмет первой необходимости. Не то же самое, что хлеб или соль. Однако всякая уважающая себя хозяйка знает, что именно по тому, сколько чеснока положила она в котлеты, определяется ее профессиональный уровень, ее статус, ее, если угодно, спортивный разряд в такой древней и уважаемой дисциплине, как домашнее многоборье. А уж котлеты вовсе без чеснока – это не котлеты, а форменное недоразумение, позор на ее голову. К счастью, с недавних пор рядом с домом появился маленький ларек, в котором улыбчивая Зульфия продавала спелые помидоры, сочные мандарины, гладкие баклажаны, румяные яблоки, свежую зелень и

прочие дары полей и огородов. В том числе, разумеется, и чеснок.

Надежда всунула ноги в старые сапоги, набросила куртку и выскочила из квартиры.

В ту же секунду ей стало мучительно стыдно.

Надеждина двоюродная тетя Таня из Москвы не уставала повторять, что уважающая себя женщина не должна выходить из дому, не уложив волосы и не набросав кое-что на лицо.

– Даже в магазин! – с пафосом восклицала тетя Таня. – Даже с мусорным ведром на помойку! Если женщина вышла на помойку без прически и без макияжа – значит, она махнула на себя рукой, значит, там, на помойке, ей самое место!

Самой тете Тане было уже за восемьдесят, но она была верна своим принципам. Она всегда аккуратно укладывала волосы, не забывала раз в две недели посещать парикмахерскую, а без макияжа не выходила не только в магазин или на помойку – даже на даче, прежде чем подойти к забору и спросить соседку, выпустили ли ее огурцы третий лист, она непременно подкрашивала глаза и губы.

Надежда Николаевна тетю Таню любила и уважала, но иногда в спешке все же нарушала ее заветы. Вот и сейчас она забыла, точнее – не успела, накрасить губы и причесаться.

Оставалось надеяться, что ей не встретится на лестнице никто из соседей.

И конечно, эта надежда не оправдалась!

Вот отчего всегда так бывает: если женщина наденет свое лучшее платье, тщательно накрасится, сделает укладку в парикмахерской и отправится под ручку с мужем в театр или в ресторан, она ни за что не встретит никого из соседей. А стоит выскочить в самом затрапезном виде к почтовому ящику или, как сейчас, в ларек за чесноком – непременно с кем-нибудь столкнешься нос к носу. Причем столкнешься с хорошо одетой и причесанной соседкой, которая как раз собралась в театр или ресторан, и она еще вдогонку окинет тебя неодобрительным взглядом: что это, мол, за чучело живет в нашем доме?

Вот и сейчас, выскочив на площадку и второпях захлопнув за собой дверь квартиры, Надежда увидела на площадке у лифта ту самую молодую женщину, которая с недавних пор поселилась в квартире Михайловых.

То есть ту самую женщину, которую Надежда Николаевна считала убитой.

Определенно это была она – в том самом светлом кожаном плаще, с теми же пышными волосами цвета топленого молока.

Первым побуждением Надежды было немедленно вернуться назад. Бог с ним, с чесноком. Можно насыпать в фарш побольше перца – муж у Надежды человек скромный, неприередливый, съест и так.

Но нет, не такой человек Надежда Николаевна Лебедева, чтобы отступать перед кем бы то ни было. Она сделала бы-

ло шаг назад, в собственную безопасную квартиру, но тут же взяла себя в руки. В конце концов, это не метод – прятать голову в песок, как страус. Неприятности надо встречать смело, с гордо поднятой головой!

Надежда осторожно подняла голову. Привидение не исчезло. Стало быть, она не переутомилась, не выпила вчера на ночь лишнего (это Надежда знала точно). У нее нет галлюцинаций, а воображение хоть и развито, но не до такой же степени.

К тому же соседка вовсе не была похожа на привидение. Это была совершенно реальная молодая женщина из плоти и крови. И в тот самый миг, когда Надежда решала мучительную задачу, идти в магазин или все же пересидеть это время дома, эта молодая женщина обернулась и очень приветливо с ней поздоровалась.

И это само по себе было совершенно необычно, ведь раньше она проскакивала мимо молча, опустив глаза или глядя сквозь Надежду, как сквозь стекло.

Ничего не оставалось, как пробурчать «здрaсте» и подойти к лифту. О том, чтобы завести какой-то разговор, не было и речи, Надежда и на ногах-то стояла нетвердо.

Конечно, в наше время встречаются люди, которые принципиально не здороваются с соседями на лестнице. Но даже среди них такие, кто не отвечает на приветствие, – это особая порода, высший, так сказать, пилотаж по части невоспитанности. К ним Надежда Николаевна уж никак не относилась.

Итак, она сделала вид, что не испытывает ни малейшего смущения по поводу своей непритязательной домашней одежды, и вместе с соседкой вошла в подъехавшую кабину лифта.

Само собой, они стояли очень близко друг к другу, и все то время, пока лифт спускался, Надежда Николаевна волей-неволей разглядывала эту таинственную особу. Точнее, ее кожаный плащ, который оказался прямо у нее перед глазами.

Когда двери лифта распахнулись, до Надежды Николаевны дошла совершенно удивительная вещь.

Плащ соседки был совершенно целым.

А ведь в тот самый день, когда Надежда из-за наглеца Бейсика попала в соседскую квартиру, она своими глазами видела, что этот плащ разорван! Вот в этом самом месте, у левого плеча. Здоровенная такая дыра, она подумала еще тогда, что дорогую вещь можно выбрасывать, не подлежит плащ с такой дырой починке. И тут же сообразила, что и сам плащ теперь никому не нужен, поскольку хозяйка мертва.

А сейчас от разрыва не осталось ни следа.

Как же так? Может быть, соседка сумела его так аккуратно зашить?

Да нет, это невозможно! Остался бы шов, хоть какая-то, пусть самая аккуратная строчка или заплатка. Но ведь не было ни малейшего следа!

Так, может, это не тот плащ, а другой точно такой же?

Но Надежда Николаевна не могла себе представить женщину, в гардеробе которой были бы две совершенно одинаковые вещи. Допустим, две одинаковые белые шелковые блузки – это еще куда ни шло, но два совершенно одинаковых кожаных плаща цвета крем-брюле – нет, такого просто не может быть! Это противоречит человеческой природе.

Соседка перехватила взгляд Надежды Николаевны и покосилась на свое плечо – видно, решила, что испачкала плащ, прислонившись к чему-то белому. Не обнаружив в одежде никакого беспорядка, девушка чуть заметно пожала плечами.

Надежда опомнилась, когда прочесала по улице два квартала, оставив овощной ларек далеко позади. Господи, какая же она дура! Навоображала себе невесть что, сочинила убийство. Хороша бы она была, если бы все же решилась обратиться с этим в полицию. Получила бы по полной программе: в полиции, разумеется, были бы недовольны, что по ерунде потревожила, соседка Раиса – что квартира на заметку попала, а девица – из-за того, что пришлось бы разбираться с полицией, предъявлять паспорт и доказывать, что она честный приличный человек, не воровка и не мошенница. И все имели бы претензии к Надежде. И, в общем, справедливые претензии.

А самое главное – какое счастье, что не рассказала обо всем мужу! Вот уж воистину бог уберег.

Надежда внезапно встала на месте, как будто у нее кон-

чился завод.

– Но что все это значит? – вслух произнесла она.

В самом деле, не пьяная же она была, когда сидела в той кладовке. Ведь она собственными ушами слышала, как двое, мужчина и женщина, сначала ссорились, потом раздались подозрительные звуки, потом все стихло, а потом пришел еще один мужчина, и они вдвоем выносили труп, завернутый в ковер!

«Спокойно, – заговорил внутри Надежды голос, полный ехидства, – ты ничего не видела, только слышала, а это не то же самое. И ты никак не могла видеть, что они выносили труп. Возможно, они только собирались это сделать. То есть вынесли, а девица оказалась живучей и по дороге очнулась. Тогда они ее отвезли в больницу или сами в чувство привели. И все, инцидент исчерпан».

«Да, но один из них говорил, что она вся синяя», – слабо возражала Надежда.

«Мало ли что он говорил! – издевательски рассмеялся голос. – Может, у них такие ролевые игры. Ты же совершенно не знаешь этих людей! Может, они актеры и таким образом репетировали современную пьесу? Театральный авангард, знаешь ли, еще не до того доходит. Помнишь, как в одной пьесе парень на сцене вполне естественно вешался?»

– Пардон! – На Надежду с размаху налетел длинноволосый парень в темных очках. – Тетя, не стойте на дороге!

– Черт знает что! – Надежда Николаевна внезапно осо-

знала себя стоящей посреди улицы и разговаривающей вслух непонятно с кем. Так и правда свихнуться недолго.

Она круто развернулась и отправилась назад – к своим котлетам, коту и стопке невыглаженного белья.

«Не буду ни о чем думать, – приговаривала Надежда, старательно разглаживая воротник мужниной рубашки, – буду сериалы смотреть и цветочки разводить. Еще кулинарные шоу хорошо. А потом все блюда готовить... Вот и занятие. И не останется времени на то, чтобы соваться в чужие дела».

Весь вечер она была такой молчаливой, что муж забеспокоился, не заболела ли она, и даже заставил померить температуру. Оказалось, тридцать шесть и одна. Упадок сил.

Спала Надежда не то чтобы плохо, а как-то неинтересно. Ни цветных снов, ни сладкого потягивания, когда проснешься.

Проводив мужа, она занялась домашними делами, которые никогда не заканчиваются, просто заколдованный круг какой-то. Нужно было убрать зимнюю обувь, подготовить зимнюю одежду для химчистки, да неплохо бы и отнести, а в выходные муж на машине заберет.

На дубленке мужа она обнаружила крошечную царапинку и расстроилась: этак еще порвется. Конечно, может, в следующую зиму и носить дубленку не придется – мало ли какая будет погода, в нашем климате ни в чем нельзя быть уверенным. Но все же жалко вещь. Надо будет обратить внимание

в химчистке, вдруг что посоветуют.

Мысли поневоле перекинулись на кожаный плащ соседки. Как ни уговаривала себя Надежда Николаевна выбросить из головы эту странную историю, забыть о плаще никак не удавалось. Труп, допустим, она не видела, но дыру-то на плече она точно видела собственными глазами. А вчера на девице он был совершенно целый. И как это понимать? Какие-нибудь новые технологии? Тогда хорошо бы узнать, где находится мастерская, все в жизни пригодится.

Надежда упаковала большой тюк с вещами для химчистки и поглядела на себя в зеркало. Что ж, сегодня с лицом и прической все в порядке. Московская тетя Таня была бы ею довольна.

Из тамбура послышался знакомый скрип двери, той самой, бывшей михайловской. Уши у Надежды Николаевны сами собой встали торчком, как у породистой овчарки, ноги, тоже сами, понесли ее к двери, а руки сами повернули рычажок замка.

Однако на этот раз из квартиры выходила не давешняя подозрительная девица. Женщина была другая, гораздо выше ростом, плотнее и как бы основательнее.

– Рая! – ахнула Надежда. – Надо же, я тебя сразу не узнала! Богатой будешь!..

– Уже! – рассмеялась Раиса.

Конечно, это была она.

– Слушай, как же ты изменилась! – восхищенно разгляды-

вала ее Надежда. – Похудела, помолодела, выглядишь прекрасно.

– Спасибо, Надя, – кивнула Раиса и наклонилась, чтобы поднять многочисленные пакеты. – Вот приехала кое-что забрать. Мама просила.

Пакеты рассыпались, Надежда принялась помогать Раисе. – Слушай, может, зайдешь? – спросила она. – Чаю попьем, расскажешь, как жизнь, как детки...

Раиса подняла голову и испытующе на нее поглядела.

Сомнения ее были вполне понятны. Надежда жила в этом доме всего два года. Это была квартира ее мужа Сан Саныча, в которой проживал он ранее с семьей своего сына. Сын уже два года работал по контракту в Канаде и собирался контракт продлить, так что Сан Саныч с Надеждой утвердились в квартире надолго. За два года, однако, Раиса с Надеждой сталкивались только у лифта или во дворе и вовсе не были чайно-кофейными подругами.

Теперь Надежда ответила на Раисин взгляд широкой улыбкой и распахнула дверь в свою квартиру.

– Заходи скорее, а то кот выскочит!

– От чая не откажусь, – смущенно сказала Раиса. – Все время есть и пить хочу, дети все высасывают. Можно и кофе...

– Ты еще кормишь? – восхитилась Надежда. – Двоих-то? Надо же, прямо мать-героиня! По нашим временам это большая редкость. А сейчас детки с бабушкой?

– С няней, – усмехнулась Раиса. – Еще есть шофер, горничная, кухарка и садовник.

– Вот здорово! – Надежда крутилась по кухне и не заметила взгляда Раисы. – Рада за тебя очень!

– Правда?

Что-то в ее тоне показалось Надежде заслуживающим внимания, и она бросила турку, в которой заваривала кофе.

– Конечно, – кивнула она. – Тяжело с двумя-то, а тут помощников столько!

– Ох, Надя, я пошутила, – рассмеялась Раиса. – Сторож один только живет, да еще женщина из деревни приходит помочь с уборкой раз в неделю. А дальше мы сами управляемся, зачем чужие в доме?

– И хорошо. – Надежда выставила на стол сыр, крекеры и конфеты. – Тебе кофе-то можно?

– Мне чашку побольше, и молоком разбавь... Ох, Надя, святая ты женщина!

– Да что ты? – удивилась Надежда. – С чего ты взяла?

– Независтливая, искренняя, всем всегда довольная, сплетни не любишь.

– При чем же тут святость, не понимаю? И кому мне завидовать? У меня все есть.

– Вот я и говорю, – вздохнула Раиса, намазывая крекер мягким сыром. – Ты прости, что я так пошутила. Проверить тебя хотела сдуру. Я, Надя, если честно, соседей очень не люблю. Не дом у нас, а настоящий гадюшник.

– Ты преувеличиваешь, – протянула Надежда. – Сплетничают, конечно, но ведь это везде так. Бабушек хлебом не корми – дай за чью-нибудь жизнь попереживать!

– Вот именно, что везде! В большом городе хуже, чем в деревне. И злые какие люди... Вот послушай, как милые соседи всю мою жизнь наперекосяк едва не пустили.

– Кофе еще налить?

– Налей, только послабее, а то близнецы мои ночь спать не будут. Вот, значит, вышла я замуж рано, в двадцать лет, мы тогда с мамой жили в пятиэтажке на Охте. Квартирка маленькая, конечно, но все же две комнаты. А муженек мой без квартиры был, в общежитии жил, сам из Белоруссии, здесь на стройке работал. Родила я Таньку, живем потихоньку. Проходит время, Таньке уж три года стукнуло. Как пошла она в садик, так, конечно, начала болеть. И все серьезно: то пневмония, то бронхит. Врачи говорят, надо, мол, в Крым ребенка везти. Поехали мы с мамой. Я думаю: поживу недели две, устрою их, а сама вернусь. Оставили, стало быть, Геночку моего одного в пустой квартире на две недели. И что он сделал?

– Догадываюсь, – пробормотала Надежда, – гулять начал.

– Вот именно. Да не просто гулять, а сразу поселил бабу свою у нас в квартире. Все две недели каждую ночь они вместе! Почти и не скрывались. То на кухне сидят и занавеску не задернут. То на балконе поздно ночью курят. То утром рано соседка на дежурство идет, а они тут как раз выходят –

здрасте!

Словом, возвращаюсь я после отпуска, еще, дура, фруктов накупила, еле ташу, потому как муж с поезда не встретил, с работы не смог отпроситься, а соседусшки дорогие меня уже у порога ждут. Все в лицах и рассказали: когда, сколько и даже кто такая баба эта самая. Оказалось, лимитчица, со стройки. Ей-то по барабану все, ей скрывать нечего, а мой Генка полным идиотом оказался. И скотиной.

– Ужас какой! – вставила Надежда, только чтобы что-то сказать.

– Да не ужас, противно просто, – отмахнулась Раиса. – Завели меня соседки. Генка с работы вернулся – я на него с кулаками. Шум у нас, скандал, те же соседи полицию вызвали. В общем, срам один... Потом, как поуспокоилось все, я его и спрашиваю: «Зачем ты это сделал? Тебе, – говорю, – совсем на меня наплевать? Ведь знал же, что соседи мне все тут же расскажут. Ты что, развода хочешь?» – «Нет, – отвечает, – не хочу, люблю тебя и дочку. И к теще даже неплохо отношусь». – «Так какого же, – спрашиваю, – черта ты сам все поломал? Думать же надо хоть немного!..» Молчит, в сторону смотрит. Плюнула я и занялась уборкой. Так и не вышло у нас никакой жизни. По ночам он ко мне – «прости», «забудь», а как забудешь, если на улицу не выйти? Все за спиной перешептываются, уже не только двор, а весь микрорайон в курсе.

– И наплевала бы! – не выдержала Надежда.

– Не смогла, – глухо ответила Раиса. – Что ни сделаю – на кровать ложусь, чай пью, волосы расчесываю, – все вижу, как чужая баба по моей квартире расхаживает и моими вещами пользуется.

Короче, мама с Танькой через месяц вернулись, а мы уж на развод подали. Уговаривали меня, мама плакала, отец его приезжал из Белоруссии – не могу, и все. Ушел Генка, из квартиры выписался. Тут как раз мамина тетка умерла, оставила ей комнату в коммуналке. Мы эту комнату продали, добавили денег и из той пятиэтажки переехали сюда. Думаю: начну новую жизнь в новой квартире. Прошло года четыре, появился у нас на работе один... С виду симпатичный, вежливый, неженатый, всегда аккуратный такой. Жил с мамой. Как-то мы с ним сблизились. Он в койку сразу не укладывал, не торопил события. В кино меня водил, в кафе, в театр даже. Приятно, в общем, время проводили. Потом отправила я Таньку с бабушкой на каникулы в дом отдыха, стал он ко мне ходить, ночевать только не оставался. «Мама, – говорит, – болеет, волнуется очень, когда одна дома». Мне что – я с его мамой не знакома. Если по телефону звоню, она всегда вежливо отвечает, я тоже не хамлю, а знакомиться с ней особого желания не изъявляю.

Мои вернулись, труднее стало встречаться, но как-то устраивались. То к приятелю его пойдем, то мне подружка ключи от своей квартиры даст, то мои куда-нибудь уйдут или за город уедут. Маме моей он нравился. «Солидный, – гово-

рит, – такой мужчина, вежливый, с положением, не то что твой Генка, дурак и вертопрах». Ходили вместе куда-то, друзей я его знала, со своими подругами знакомила. В общем, года полтора мы так проваландались, а с матерью его так и не познакомилась. Он первым разговор не начинает, а мне тоже ни к чему.

Раиса перевела дух и допила остывший кофе. Надежда незаметно поглядела на настенные часы. Так, в химчистку до перерыва она уже опоздала, а ведь еще надо в аптеку заскочить и заплатить за квартиру. И еще тетка просила сегодня обязательно заехать, забрать ее рентгеновские снимки, чтобы отвезти их на той неделе на консультацию в больницу. А она здесь сидит, кофеи распивает...

– Короче, – продолжала Раиса, жадно оглядев стол в поисках еды, видно, и правда аппетит у нее был зверский, – в один прекрасный день залетела я. Вначале особенно не беспокоилась, мало ли, задержка. Потом удостоверилась: все точно, я беременная. Подождала недельку, чтобы успокоиться, потом и говорю своему: так, мол, и так, что будем делать? Всякого, конечно, ожидала, потому как никаких иллюзий к тому времени насчет мужиков не питала. Он выслушал и молчит. Я тогда и говорю, что с этой проблемой, конечно, сама справиться могу и денег мне не надо, а сказала ему просто так, чтобы не упрекал меня потом, что я все сама решила. Он посмотрел мне в глаза, походил по комнате, да и говорит, мол, ребенок – это нам знамение свыше, пора определяться,

хватит уже по углам прятаться. «Выходи, – говорит, – за меня замуж, и дочку твою любить буду, как свою».

– Как в кино! – невольно вздохнула Надежда.

– Ага, – криво усмехнулась Раиса, – слушай, какое дальше кино получилось. Я, конечно, поплыла тогда, расплакалась. «Неужели, – думаю, – и вправду новая жизнь у меня начнется?» А у него как раз тогда командировка намечалась. Он и говорит, что как вернется – сразу заявление подадим. И уехал. А я тут кручусь, платье новое купила, чтобы в ЗАГС идти, туфли. Маме сказала, а на работе не стала пока болтать, слава богу. И тут как-то вечером звонок. Дверь открываю – Генка на пороге, муженек мой бывший! И как только нашел нас!.. А он после развода на заработки уехал, болтался по стране, денег на дочку слал мало и нерегулярно. А теперь вот явился с серьезным разговором. «Ты, – говорит, – меня прости за все прошлое, дурак был, счастья своего не ценил. Теперь поумнел, хочу обратно семью создать. Будем вместе дочку растить». И так далее. «Опоздал ты, Гена, – говорю. – Я и раньше крепко бы подумала, прежде чем с тобой связываться, а уж теперь и думать нечего. Поздно, я ребенка жду и замуж через месяц выхожу, так что не обессудь».

– А он что? – Надежда уже позабыла все дела.

– А он как услышал о ребенке, так сразу на дверь входную глядеть стал. Ушел, в общем, по-быстрому. Мы с мамой еще посмеялись.

Раиса откинулась на спинку стула.

– Черт, как дохожу до этого места, так курить хочется. А нельзя сейчас, да и вообще бросила я. Вот ты скажи, Надя, какая сволочь наступала о том, что Генка приходил, мамаше моего будущего мужа?

– Как? – ахнула Надежда.

– А вот так! Кто-то из милых соседей не поленился, узнал телефон и позвонил ей. Так, мол, и так, сын ваш связался с бабенкой легкого поведения, она его обманывает, сама мужиков водит. Или, может, не так, но смысл приблизительно такой. Одним словом, приезжает ее сыночек из командировки, а мамаша уже на страже интересов родины. Такого ему наговорила, от себя присочинила. «Через мой, – кричит, – труп ты на этой потаскухе женишься! И ребенок не от тебя!» Он – ко мне, да сразу на повышенных тонах: «Какие это мужики тут у тебя ошиваются?» Я – так и так, говорю, бывший муж заходил насчет алиментов, что такого? Ну его и понесло: и такая я, и сякая, и мать его до сердечного приступа довела, и знаться он со мной после этого не желает. И ребенок не его. И ушел. Ладно, думаю, переживем, и не такое переживали. Сама реву, конечно. На следующий день пошла в женскую консультацию насчет аборта. А уже подошел срок УЗИ делать. Поглядела я на живого ребеночка, девочку, и ужаснулась: что же это я делаю? Не могу убить. И мама со мной согласилась. Так и родила Лизку.

– Так и не узнала, кто из соседей такую подлянку тебе сделал? – вскинулась Надежда.

– Нет. Главное, ни с кем не ссорилась, никому гадостей не делала, ни о ком худого слова не сказала – и вот такой подарочек.

– Хахаль-то твой тоже не на высоте оказался, – осторожно вставила Надежда. – Другой бы не поверил, а этому только повод дай.

– Точно, – согласилась Раиса, – та еще скотина. Как родила я, он приходил, требовал экспертизу. Если, говорит, ребенок мой, тогда буду алименты платить, я, говорит, человек порядочный. А пошел ты, говорю, порядочный человек, из моего дома куда подальше. На том и расстались. И уж когда мы с Иваном познакомились, я как отрезала: никаких хождений ко мне в дом! Хватило мне милых соседушек на всю оставшуюся жизнь.

– Зато теперь-то у тебя все хорошо, – улыбнулась Надежда. – Продавать квартиру не собираешься?

– Да зачем? – Рая пожалала плечами. – Деньги мне не нужны, пускай стоит. Мама вон сдала ее, чтобы добро не пропало.

– Через агентство сдаете? – оживилась Надежда, потому что разговор наконец принял интересующее ее направление.

– Да нет, по знакомству. Подруга мамина тетя Тася как раз позвонила. «Сдай, – говорит, – моей родственнице. Она раньше в Плескове жила, то ли работу потеряла, то ли муж ее бросил, я точно не знаю. В общем, приехала сюда, жильё ищет». Мать и сдала ей недорого.

– Ты хоть паспорт ее видела? – уточнила Надежда.

– А как же! Мельникова Вера Анатольевна, работала в Плескове в музее. Культура! – Раиса подмигнула и глянула на часы. – Ой, мамочки, мне же кормить! А еще тете Тасе обещала кое-что завезти...

– А где она живет, эта тетя Тася?

Выяснилось, что живет тетя Тася довольно близко от Надеждиной тетки. На самом деле там было пять остановок на метро, но Надежда решила не углубляться в детали и предложила свои услуги – ей-де все равно сегодня туда ехать. Обрадованная Раиса чмокнула ее в щеку и умчалась к своим близнецам.

– И нечего так на меня смотреть, – сказала Надежда ко-ту. – Да, поеду! Потому что хочу побольше узнать об этой девице!

Пока в активе были только имя и место бывшей работы – музей. То есть никаких экстремальных профессий, скромная музейная мышка. Не похожа, правда, но это ни о чем не говорит. И все равно остается вопрос, что же случилось тогда в квартире Михайловых. Во всяком случае, ни о каких ролевых играх не может быть речи. О постановке авангардного спектакля тем более. Нужно искать другое объяснение.

Надежда Николаевна знала, что, пока не найдет ответы на свои вопросы, не успокоится, такой уж у нее характер.

Кот только фыркнул. Он прекрасно знал свою хозяйку: уж если втемяшится ей что в голову, то хоть поленом лупи, хоть

к дивану цепями приковывай – все равно сделает, как хочет.

Бейсик со вкусом потянулся и уселся возле холодильника, выразительно глядя на Надежду.

– Бейсик, это шантаж! – возмутилась она.

– Точно, – мурлыкнул кот, – пр-равильно понимаешь...

Надежда подошла к подъезду и набрала на пульте домофона нужный номер квартиры.

Почти сразу в трубке раздалось шипение, и громкий старческий голос ответил:

– Это кто это? Это ты, Ника?

– Нет, Таисия Михайловна, – громко и четко произнесла она, – это Надежда Лебедева, Раина знакомая! Я вам от Раисы привезла посылку. Рая должна была вам позвонить.

– Заходи, Ника! – ответил голос из домофона.

Замок щелкнул, Надежда вошла в подъезд.

Она поднялась на лифте на шестой этаж и позвонила в сорок четвертую квартиру. За дверью послышалось шарканье, и тот же голос проговорил:

– Иду-иду! Сейчас, Ника, сейчас я тебе открою!

Загремели многочисленные замки и запоры, дверь открылась, и на пороге появилась очень симпатичная старушка.

Когда-то давно у Надежды была замечательная книжка «Красная Шапочка». Сама она в детстве училась читать по этой книге, потом по ней учила читать свою дочку (из чего можно сделать вывод, что она обращалась с книгой очень бе-

режно).

Так вот, в этой книжке бабушка Красной Шапочки выглядела в точности так же, как эта старушка: круглые румяные щеки, добрые глаза за стеклами очков, седые волосы, собранные в аккуратный узел на затылке. Наверняка эта бабушка обожает своих внуков и печет для них замечательные пирожки. И ей удивительно идет уютное имя Таисия Михайловна.

Правда, со слухом у бабушки оказались большие проблемы.

– А ты кто? – спросила старушка, удивленно уставившись на Надежду. – Ты не Ника!

С таким заявлением спорить было бесполезно.

– Здравствуйте, Таисия Михайловна! – громко и четко проговорила Надежда и повторила: – Я вам привезла посылку от Раисы! Меня зовут Надежда Лебедева. Раиса вам должна была звонить.

В доказательство своих слов она предъявила Раисину сумку.

– Я ничего не покупаю, – недовольно возразила старушка. – Вон соседке моей так же принесли мешок сахара. Она купила, а там оказалось только сверху немножко сахара, а снизу соль. Так она третий день сидит, соль от сахара отбирает...

Надежда призвала на помощь все свое терпение, мысленно сосчитала до десяти и повторила еще громче и отчетливее:

– Я. Ничего. Не продаю. Я. Принесла. Вам. Посылку. От Раисы. Раиса. Должна. Была. Вам. Звонить!

– А что ты так кричишь-то? – удивленно проговорила Таисия Михайловна. – Я еще, слава богу, хорошо слышу! Так ты, значит, от Раи? Так бы сразу и сказала! Так ты заходи, чайку попьем, расскажешь, как там Рая живет...

Надежда вздохнула с облегчением и направилась вслед за хозяйкой на кухню.

Здесь все было именно так, как она себе представляла. Уютная маленькая кухонька была аккуратно прибрана, здесь и там висели нарядные самодельные прихватки и вышитые крестом полотенчики.

Мгновенно появились и пирожки, с капустой и с яблоками.

Таисия Михайловна заварила чудесный ароматный чай, добавив туда какой-то травки из большой стеклянной банки, налила Надежде полную чашку (чашка была большая, темно-синяя, с золотым петухом), придвинула к ней блюдо с пирожками, подперла щеку кулаком и приготовилась слушать.

– Как там Рая?

Надежда откусила от пирожка, который оказался с капустой, и проговорила с полным ртом:

– Замечательно! Просто замечательно! Ее новый муж очень внимательный и обеспеченный, так о ней заботится!.. Дом у них хороший загородный, детям на воздухе полезно...

– Вот хорошо! – оживилась старушка. – Должно же ей бы-

ло наконец повезти! Зина одна ее растила, муж у нее сильно пьющий был, попал по пьяному делу под электричку, когда Рае семь лет было... Хорошо, что Рая материну судьбу не повторила. А вот Валечка, бедная, так и прожила всю жизнь без любви и ласки.

– Валечка? – машинально переспросила Надежда. Она, правду сказать, не слишком прислушивалась к собеседнице, потому что ее вниманием целиком завладели пирожки. Тесто было отменное, вроде бы сдобное, а не тяжелое, совсем воздушное. Надежда ела уже третий пирожок и решала в уме сложную задачу – удобно ли будет попросить у хозяйки рецепт. Некоторые женщины не любят открывать свое ноу-хау. Но, похоже, Таисия Михайловна полностью ушла в воспоминания. Теперь начнет сыпать именами, вспомнит множество житейских историй, скучных и ненужных.

– Так и прожила одна, как разошлась с Анатолием, – вздыхала между тем хозяйка, – и Верочку одна воспитывала...

На этот раз Надежда Николаевна насторожилась: старушка сама заговорила о том, ради чего она к ней приехала. Сама упомянула Верочку. Надо думать, Верочка – это та самая Мельникова Вера Анатольевна, которой квартиру соседнюю сдали. Если же это не она, нужно немедленно откланяться и бежать отсюда, роняя тапки, иначе заговорит бабушка до смерти. Это она может. За пирожки, правда, большой ей респект.

– Конечно, воспитала она ее хорошо, – продолжала тем

временем Таисия Михайловна. – Образование дала. Работа у дочки была приличная – экскурсоводом в музее. Платили, конечно, мало, но сейчас культура не в почете...

– Валечка – это ведь ваша знакомая из Плескова? – уточнила Надежда на всякий случай.

На этот раз старушка ее расслышала.

– Из Плескова, из Плескова! – закивала она. – Мы в Плескове, почитай, все знакомы, но Валечка не просто знакомая моя, мы с ней и в родстве. Мать ее, Анфиса, моему покойному Ивану Филипповичу троюродная была... или нет... – старушка задумалась, шевеля губами и что-то в уме подсчитывая. – Нет, четвероюродная! Но это все равно, по-нашему, близкое родство. А ты что же пирожки не ешь? Не нравятся?

– Очень нравятся, – искренне ответила Надежда, – замечательные пирожки. Просто я уже и так очень много съела.

– Съешь еще! – строго потребовала старушка. – Их надо сегодня съесть, а то зачерствеют.

Надежда тяжело вздохнула, вспомнила о лишних килограммах, с которыми вела неравную борьбу, но не удержалась и надкусила еще один пирожок. Он оказался с яблоками.

– Очень вкусно! – повторила она. – Так вы говорите, Вера – дочь вашей родственницы?

– Единственная доченька, кровиночка, – закивала старушка. – Всегда у нее Верочка свет в окошке была. Славная девочка, в школе училась хорошо, и послушная, и симпатич-

ная. Валя-то сама не так чтобы интересная была...

– Говорят же: не родись красив, а родись счастлив, – ввернула Надежда для поддержания беседы.

– Оно-то так, – протянула Таисия Михайловна, – да только в их случае все по-другому вышло. И у Вали, и у Веры все несчастья через мужей произошли.

– Вот как?

Таисия Михайловна оживилась, услышав в словах Надежды несомненный интерес к теме разговора. Она налила им обоим еще чай и приступила к рассказу:

– Валечка тоже умницей была, школу с медалью окончила и в институт поступила, вот только точно не скажу в какой, но здесь, в Петербурге. Полюбила парня, такого же студента. Интересный был парень, сразу скажу: волосы светлые, волной, лицо такое открытое, приятное, высокий... Мы как увидели его с Зиной, Райкиной-то матерью, так и обомлели. И как только Валентина такого красавца охмурила? Поженились они после диплома, потом она Веру родила, квартиру получили. Валя на завод устроилась, в лабораторию какую-то, а муж диссертацию писал. Бедно жили, конечно, но тогда все так. Валюшка на двух работах, девочку в круглосуточные ясли отдала. Потом оперились, муж диссертацию защитил и стал в том же институте лекции читать. Чем не жизнь, я тебя спрашиваю?

– Конечно, – закивала Надежда, – а в чем дело?

– Мужики все сволочи, вот в чем! – с сердцем ответила

Таисия Михайловна. – Вот слушай. Живут они, вроде все хорошо, на лето к нам в Плесков отдыхать приезжают. Верочке уже седьмой годик пошел.

Тут-то все и случилось. Приезжает как-то Валентина, я тогда как раз тоже дома была. Как увидела я ее из окна – сразу поняла, что не в себе человек. Глаза красные, больные, волосы висят паклей, сама вся белая, руки дрожат. Ты больна, что ли, мы спрашиваем. И Верочка у нее бледненькая, молчит все и к матери жметяся. Слово за слово, разговорили мы Валю. Оказалось вот что.

– Догадываюсь, – вздохнула Надежда, вспомнив рассказ Раисы. – Дело житейское...

– Значит, сидит она дома, мужа с работы ждет. Вдруг приходит к ней одна из их института. И говорит прямо, как есть: «Дура ты дура. У тебя муж гуляет направо и налево, со всеми молодыми преподавательницами переспал, до студенток дошел. Мужчина видный, бабы, конечно, сами на него вешаются, но надо же ведь и совесть иметь. Сейчас у него одна любовница, все об этом знают».

«Что я здесь делаю? – внезапно подумала Надежда. – Зачем слушаю эти рассказы? Какое мне дело до событий двадцатилетней давности? Даже больше, ведь Вере этой за тридцать, а тогда седьмой годик шел. Так какое мне до этого дело? И пирожков много съела...»

– Валюша растерялась, конечно, от такого напора. «Не верю, – говорит, – быть такого не может, как же так». А та баба

свою линию гнет: «Не веришь – проверь! Вот сейчас прямо пойдём по тому адресу, где твой муженек со своей кралей развлекается». Валя и дала себя уговорить. Вроде как не в себе была. В здравом уме она бы ни за что такой глупости не сделала, потому как, во-первых, подумать нужно, прежде чем на открытый разрыв решаться, а во-вторых, если уж что делать, то без посторонних. А здесь та баба ее буквально силой из дома вытащила, посадила в машину и привезла по адресу. И звонить не стала, дверь своим ключом открыла, Валентину первой в комнату втолкнула, а там ее муж в постели с девицей. Валя говорит: «Стою как дура, ноги к полу прилипли, а язык – к гортани». А баба тут раз – фотоаппаратом щелк, щелк! Тот, муж-то, опомнился. «Это что, – говорит, – такое, Алевтина Павловна?» Это он той бабе, а на жену законную ноль внимания. «А то, – баба ему отвечает, – Анатолий Васильевич, что не видать вам теперь доцентуры как своих собственных ушей. Уж я, – говорит, – об этом позабочусь! Все узнают, чем вы в свободное время занимаетесь. Связь со студенткой – это начальство не одобрит! А вы, милочка, считайте, что в институте больше не учитесь, за этим я тоже прослежу!» И пошла себе довольная.

– Надо же! – поразилась Надежда.

– Ага, Валя потом только узнала, что баба эта метила на то же место, на которое и муж ее претендовал. И вроде бы его должны были назначить, потому как мужчина молодой, перспективный, да еще профессорша одна к нему благоволила –

красавец такой, еще бы. А эта баба подсуетилась и решила его подставить. Выследила его с девчонкой той, студенткой, да они не очень-то и скрывались, та за ним как тень ходила. Узнала она, где девчонка живет, и ключи у нее из сумки сперла, сделала дубликат. А потом Валентину туда привела. Своего, короче, добила, место на кафедре ей досталось.

А тогда, Валя рассказывала, как ушла она, так муж на нее набросился. «Ты, – говорит, – дура деревенская, нашла с кем скорешиться. Тебе же, – говорит, – хуже будет, если мне доцентуры не дадут, денег-то меньше. А теперь, может, вообще уволят – все из-за тебя!» Тут Валентину как обухом по голове стукнуло. Очухалась она и кричит: «Как это из-за меня? А это что?» И на девчонку ту показывает. А у той, видно, истерика началась – захохотала она вдруг. А Валентина тоже на нервах, подумала, что над ней смеются. Подскочила к той девчонке, в волосы ей вцепилась, давай по полу валять, откуда только силы взялись. Та вырвалась. «Толик, – кричит, – Толик!..» А Толик на них обеих матом и разнимать не думает. Девчонка тогда дико так на Валентину посмотрела и к окну бросилась. Схватила за раму, а дело-то летом было, окно только прикрыто. И вот то ли соскользнула она случайно, то ли не в себе была, а только выпала та студентка из окна.

– Насмерть? – ужаснулась Надежда.

– Слава богу, нет, не то Валентину бы посадили! – вздохнула Таисия Михайловна. – Там, понимаешь, этаж всего третий был, хотя и с третьего можно так навернуться, что шею

сломаешь. А тут внизу оказался магазин, маркизы на окнах висели. В общем, шлепнулась девчонка на эти маркизы, спружинила, подскочила, как мячик, да и вывалилась прямо на тротуар. И даже ничего себе не сломала, только ободралась, конечно, об асфальт сильно. Понятно, шум, гам, «Скорая», полиция. А пока суд да дело, муженек-то Валентинин и сбежал, оставил ее одну со всем этим безобразием разбираться. Хорошо, девчонка в сознании была, сказала, что случайно из окна выпала, Валю хоть в полицию не забрали. Как она домой добралась – не помнит, а там муженек ее уже во всеоружии. «Я, – говорит, – тебе никогда не прощу, что ты мою карьеру порушила. Теперь, – говорит, – после такого скандала меня никуда преподавать не возьмут, а все ты...»

– Гад какой! – не выдержала Надежда.

– Точно, – согласилась старушка. – А Валя тогда собрала вещи и рванула домой, в Плесков. Дома отошла маленько, привели мы ее в чувство. Месяц прошел, она и говорит: «Не вернусь в город, хоть убейте! Не могу ничего там видеть! А о муже и думать не могу!» Уволилась с работы, заявление им по почте послала, они ей трудовую книжку выслали. С тех пор так и жила в Плескове, на бензоколонке работала. Квартиру этому подлецу оставила! Даже на алименты не подавала. И Верочку на свою фамилию перевела! Как тебе такая история?

– Душераздирающе! – честно ответила Надежда. – Это уже правда какой-то монстр оказался, а не муж.

– Ты слушай дальше, – многообещающе улыбнулась Таисия Михайловна, – что с Верой-то случилось. Окончила, значит, она школу, потом институт, устроилась в музей работать в Плескове. У нас ведь город старый, много церквей, музей хороший – иконы там разные, ценные вещи, картины. В большой город не уезжала, потому что Валя болеть стала сильно. И то сказать, от такой жизни заболеешь. Вот время идет, а у нее все никого нет. Потом нашла себе. Не знаю, где они познакомились: то ли он приехал к нам летом отдыхать, то ли она куда ездила, пока мать окончательно не слегла. В общем, любовь у них получилась. Мать ее Валентина как поглядела на него – сразу против этого брака выступила. Потому как жених Верин такой уж раскрасавец, такой собой интересный – глаз не отвести. А уж она знала, что с таким человеком ничего хорошего в семейной жизни не получится. Так разве дети матерей слушают?

– Верно, – поддакнула Надежда. – И что же случилось? Этот тоже гулять начал?

– Да если бы только гулять, – вздохнула Таисия Михайловна. – Этот вообще какой-то шалопай оказался. И жулик. Я тебе честно скажу: о Вале-то я из первых рук все знала, подруги мы с ней давние. А о Верочке только слухи всякие ходили. Болтали разное: не то муж ее в казино деньги проигрывает, не то на бирже играет, не то просто мошенничает. И деньги она занимала по всем знакомым, чтобы за него отдать, и вещи свои продавала. Валя-то к этому времени умер-

ла уже, не дожидая до такого срама. И бросал Веру ее муженек, уедет – и нет его. А потом вернется, уболтает ее, улестит – снова она его примет. Так и тянулось у них, пока он квартиру ее не продал.

– Как это? – удивилась Надежда.

– А вот так. Проиграл большие деньги, она и подписала бумаги. А как только отдал деньги, так и слинял из Плескова. Куда Вере деться? Решила она новую жизнь начинать, уволилась из музея, приехала сюда и сразу ко мне: «Помоги, тетя Тася!» Тут как раз у Зины квартира освободилась, я и посодействовала. Может, хоть теперь Верочке повезет.

«Сомневаюсь», – подумала Надежда, но вслух ничего не сказала и стала прощаться. Таисия Михайловна отпустила ее с миром: наговорила от души.

Выйдя на улицу, Надежда Николаевна взглянула на часы и охнула. Просидела у старухи без малого два часа, а что узнала? Только то, что ее новая соседка, как и ее мать, была несчастлива в браке. И что в этом необычного? Тысячи женщин могут сказать о себе то же самое. И кого, по большому счету, это волнует?

Итак, думала Надежда, стоя на эскалаторе, что мы имеем? По всему выходит, что эта Вера – самая обычная женщина, а что хмурая и неприветливая, так характер плохой, жизнь опять же достала. Кстати, после того случая, когда Надежда посчитала ее убитой, характер у Веры явно изменился к лучшему – здороваться стала при встрече, улыбается даже.

Но плащ... И куда все-таки ее выносили в старом Раисином ковре?

Из рассказа Таисии ясно одно: никаких криминальных знакомых у Веры быть не может, кроме разве что бывшего мужа. Но они вроде расстались. Нет, похоже, зря она проехала, ничего так и не узнала.

И Надежда Николаевна устремилась к выходу из вагона.

Таисия Михайловна проводила гостью и только было собралась помыть оставшуюся после чаепития посуду, как в прихожей снова раздался сигнал домофона.

– Не иначе забыла что-нибудь, – проворчала старушка, направляясь в прихожую. – До чего же нынче молодежь пошла бестолковая!

Если бы Надежда Николаевна услышала, что ее отнесли к молодежи, она, пожалуй, была бы польщена. Но она этого никак не могла услышать.

Таисия Михайловна сняла трубку переговорного устройства. Домофон стоял у нее уже не первый год, но отношения с ним у старушки были довольно сложные. Во-первых, она считала, что говорить в него надо очень громко, лучше кричать, иначе как же ее услышит тот, кто стоит внизу, перед дверью подъезда. Во-вторых, она совершенно не узнавала по домофону голоса. Здесь, конечно, не последнюю роль играл заметно испортившийся с годами слух, но старушка склонна была обвинять в своих бедах капризную технику.

Итак, сняв трубку, Таисия Михайловна очень громко проговорила:

– Это ты, что ли, Надя? Забыла что-то?

Ей ответил мужской голос, но это она снова отнесла на счет капризной современной техники.

– Заходи, Надюша! – и она нажала кнопку.

Однако через минуту, когда в дверь квартиры позвонили и старушка отперла все свои замки и запоры, на пороге появилась вовсе не прежняя гостья.

Перед Таисией Михайловной стоял высокий представительный мужчина лет тридцати с гаком, светловолосый и голубоглазый, но с темными, красиво изогнутыми бровями и длинными, почти девичьими ресницами.

– Ты кто? – удивленно осведомилась старушка. – Ты ведь не Надя!

– Не буду спорить, – ответил мужчина с обезоруживающей улыбкой. – Я точно не Надя, кто бы она ни была. Вы меня не узнали, тетя Тася? Говорят, богатым буду!

Тут-то Таисия Михайловна и узнала Вадима, непутевого мужа своей дальней родственницы Веры Мельниковой. Узнала его по этой обезоруживающей улыбке и по легкомысленной мальчишеской интонации.

– Богатым, говоришь? – повторила она с неодобрением. – Дай тебе бог. А чего пришел-то?

– Тетя Тася, что ж вы меня на пороге-то держите? – протянул Вадим, склонив голову набок, как обиженный щенок. –

Мы ведь с вами как-никак родня.

– Была родня, да вся вышла, – проворчала старушка.

– Тетя Тася, не сердитесь! – Вадим снова широко улыбнулся. – А у вас никак пирожками пахнет? Я ведь помню, какие у вас пирожки замечательные!

– Ладно, – смягчилась Таисия Михайловна, – так и быть, заходи. Чаем я тебя напою...

Через пять минут Вадим сидел за столом и уминал четвертый пирожок, умильно глядя на хозяйку.

– Ты что же, прямо из Плескова? – она подлила гостю чая.

– Прямо оттуда! – подтвердил тот с полным ртом.

– И сразу ко мне? – в голосе старушки прозвучало вполне понятное недоверие.

– К вам, тетя Тася, к вам!

– Что вдруг?

– По пирожкам вашим соскучился!

– Ты, Вадик, ври, да не завирайся! – оборвала его хозяйка. – Я же тебя знаю, ты просто так ничего не делаешь. Чего тебе от меня надо?

– Тетя Тася, вы уж из меня какого-то монстра делаете!

Разве я не могу просто так, по-родственному...

– Ты мне зубы не заговаривай! – одернула его Таисия. – Говори прямо, чего надо! Я ведь тебе не Вера, которой ты мог голову дурить! Я ведь тебя насквозь вижу!

– Вот, кстати, тетя Тася, я вас насчет Веры хотел спросить.

Адрес ее где-то затерялся...

– Ты из меня дуру-то не делай! – повысила голос старушка. – Ишь, затерялся! Да Верочка тебе свой адрес ни за что бы не дала! Сколько ты ей крови попортил, виданное ли дело? Не знала, как от тебя ноги унести. И снова приехал как ни в чем не бывало! Бывают же такие люди бессовестные!.. Вот ведь правду о таких говорят: плюнь в глаза, что божья роса!

– Тетя Тася, вы уж меня совсем застыдили, – усмехнулся Вадим и резко сменил тему: – Но уж пирожки ваши – это просто объедение! Ни у кого таких пирожков не пробовал!

– То-то, – Таисия Михайловна зарделась, как девушка. – На вот, ты еще эти не попробовал, с яблоками и с корицей!

– Чудо что за пирожки! – нахваливал Вадим. – Если бы не Вера, женился бы я на вас, честное слово.

– Что ты такое болтаешь, охальник? – Таисия замахала руками.

– Вам, между прочим, от Мироновых привет, и от Клавдии Васильевны, и от Капустиных...

– Да? Как там Клавдия Васильевна? Здорова ли?

– А что ей сделается? Она еще нас всех переживет.

– А Люся, племянница ее? Замуж снова не вышла?

– Зачем же снова? Она с Сергеем, с первым своим мужем, помирилась. Любовь, тетя Тася, не картошка...

– С Сергеем? – недоверчиво переспросила Таисия Михайловна. – Он же от нее ушел, такой скандал был...

– Ушел, а потом вернулся.

– И она его приняла?

– А как же! Дала ему, как говорится, еще один шанс. И правильно, между прочим, сделала. Браки, тетя Тася, заключаются на небесах. Муж он и есть муж.

– Да какой он муж? Пил, гулял, что ни день, скандалы... Одно название, что муж!

– А вот взял и изменился человек. Теперь они хорошо живут, душа в душу. Машину купили...

– Надо же, – Таисия Михайловна покачала головой, – никогда бы не подумала.

– То-то и оно, тетя Тася. Люди меняются! Я вот тоже очень изменился и хочу с Верой поговорить. Может быть, и она мне второй шанс даст.

– Изменился, говоришь? – старушка с сомнением уставилась на гостя. – Ой, что-то мне не верится! Горбатого, говорят, могила исправит. Второй, говоришь, шанс? Да она тебе уже пять шансов давала!

– Вы мне только адрес ее дайте! – взмолился Вадим. – Мне бы только с ней поговорить! А там она сама решит, неволить не стану.

– Ох, речистый ты, – вздохнула Таисия Михайловна, поднимаясь из-за стола. – Кого хочешь уговоришь...

Она выдвинула ящик, достала из него пухлую записную книжку и снова вздохнула:

– Ох, зря я, наверное, это делаю. Ладно, так и быть, записывай адрес.

У тетки удалось управиться быстро. Надежда не стала даже снимать куртку, просто поговорили минут десять в прихожей о теткинском здоровье. Тетка приглашала на чай, но Надежда сыта была дивными пирожками и без колебаний отказалась, хоть тетка и глянула с обидой.

Зато в метро она застряла надолго. Был час пик: поезда набиты под завязку, на эскалатор не впихнуться.

По дороге домой она вспомнила, что в доме нет хлеба. Зашла в магазин и прихватила еще, конечно, сметану, сахар, муку и еще кое-чего из фруктов и овощей.

В итоге, когда Надежда Николаевна подходила к своему подъезду, в руках у нее были две тяжеленные сумки с продуктами. Кое-как она достала ключ от домофона, открыла дверь и попыталась протиснуться внутрь. Но подлая дверь все норовила захлопнуться.

– Подождите, я вам помогу!

Рядом нарисовался высокий представительный мужчина лет тридцати с чем-то. Придержал дверь и помог войти в подъезд, даже неподъемную сумку подхватил.

Надежда взглянула на него с искренней признательностью и поблагодарила.

Незнакомец улыбнулся в ответ такой широкой и располагающей улыбкой, что впору поместить ее (улыбку) на обложку глянцевого журнала. Продажи журнала сразу как минимум удвоятся.

Надежда пригляделась к нему внимательнее.

Приятное, открытое лицо. Светлые волосы, голубые глаза, но к ним неожиданно темные, красиво изогнутые брови и густые, как у девушки, ресницы.

Словом, писанный красавец. Раз увидишь – не забудешь до конца своих дней.

И тут до Надежды Николаевны дошло, что прежде она у себя в доме этого красавца никогда не видела. Потому что если бы видела, то уж точно бы не забыла.

И вошел он в подъезд, между прочим, не воспользовавшись своим ключом и не позвонив кому-нибудь по домофону. Она же сама ему и открыла дверь.

В ту же минуту Надежде Николаевне стало мучительно стыдно.

Вот до чего испортило людей время! Человек, может быть, от всей души, от чистого сердца ей помог, а она теперь неизвестно что о нем думает!

Тем временем прекрасный незнакомец подошел к лифту и нажал кнопку.

Дверь кабины открылась, мужчина вошел внутрь и приветливо взглянул на Надежду:

– Вы поедете?

Она шагнула было вперед, но тут же передумала, свернула к почтовым ящикам и кивнула ему:

– Вы поезжайте, я на следующем.

– Как хотите, – он пожал плечами и уехал.

А Надежда еще немного постояла, выравнивая дыхание и разбираясь в собственных чувствах.

Вот почему она не вошла в лифт с незнакомцем?

А потому и не вошла, что незнакомец. А что он такой обаятельный – так это еще хуже. Самые обаятельные люди – воры и мошенники.

Парикмахер Тамара Васильевна рассказывала о таком хитром преступнике. Мужчина средних лет входил в чужой подъезд с маленькой собачкой под мышкой – то ли с йорком, то ли с чихуахуа, то ли с карликовым пуделем, то ли вообще с померанским шпицем. Садился в лифт с какой-нибудь женщиной приличного вида. Его женщины ничуть не боялись, даже начинали разговаривать с песиком. Но как только двери лифта закрывались, а кабина отъезжала на пару этажей, хозяин собачки доставал нож, приставлял его к горлу попутчицы и забирал у нее деньги и украшения. Даже сережки из ушей.

Так что в наше время нельзя верить обаятельным незнакомцам, с собачкой или без собачки.

В таких малоприятных мыслях Надежда Николаевна выждала несколько минут, вызвала лифт и поднялась на свой этаж.

И тут перед железной дверью, отделяющей лестничную площадку от тамбура, куда выходили двери четырех квартир, она увидела того самого обаятельного мужчину, который только что вместе с ней проскользнул в подъезд.

«Да что же это такое! – мысленно возмутилась Надежда Николаевна. – Я его в дверь, а он в окно. Я с ним не поехала на лифте, так он меня здесь дожидается».

Правда, мужчина ее вроде бы не дожидался. Он звонил в ту самую квартиру, где обитала подозрительная молодая женщина. Та, из-за чьего таинственного поведения Надежда Николаевна в последние дни потеряла сон и аппетит.

Нет, насчет аппетита – это, пожалуй, преувеличение. С аппетитом у Надежды всегда был полный порядок. Со сном, кстати, тоже.

Остановившись на безопасном расстоянии от незнакомца (впрочем, о какой безопасности могла идти речь?), Надежда Николаевна громко кашлянула и проговорила:

– А можно спросить, молодой человек, что вы здесь делаете?

Незнакомец обернулся, увидел Надежду и снова одарил ее своей неподражаемой улыбкой.

– А, это вы...

– Да, это я! – строго ответила Надежда, стараясь не поддаться его обаянию. – И я вас еще раз спрашиваю: что вы здесь делаете? Я вас в нашем подъезде никогда раньше не видела.

– Конечно, не видели, – охотно согласился он. – Я только сегодня приехал и вот хотел Веру повидать.

– Ах, Веру!..

Надежда испытала сразу два чувства.

Во-первых, некоторое облегчение.

Если незнакомец знает ее соседку (а иначе откуда ему известно ее имя?), значит, он, скорее всего, не жулик и не грабитель и не нападет прямо здесь и сейчас с ножом или с другим оружием массового поражения.

Во-вторых, жгучее любопытство.

К ее таинственной соседке пришел мужчина, да еще такой интересный... Как бы ненавязчиво узнать, кем он ей приходится? Во всяком случае, голос у него очень приятный, мягкий, бархатистый. Нет, это явно не тот голос, который она слышала, сидя в кладовке чужой квартиры в обществе Бейсика.

Но ведь не спросишь же его вот так прямо: «Вы Вере кто?»

– А вы ей кем приходитеесь? – спросила Надежда вот так прямо, удивляясь собственной прямоте.

– Я вообще-то ее муж, – сообщил незнакомец охотно.

Тут Надежда вспомнила душещипательную историю Вериного замужества, которую только сегодня узнала от словоохотливой Таисии Михайловны, и протянула многозначительно:

– Ах, муж...

Этой многозначительностью она хотела дать понять нахальному красавцу, что очень даже в курсе, какой он муж и почему Вера поспешно покинула родной город и, кстати, не оставила ему адрес.

Но незнакомец не стал вдаваться в такие психологические

нюансы и просто спросил:

– А вы не знаете, когда она вернется? Я ей звоню, звоню, но ее, наверное, нет дома.

– Наверное, – холодно согласилась Надежда.

Она хотела наконец попасть к себе домой, но не собиралась открывать дверь в присутствии незнакомца. Пусть даже он теперь не совсем незнакомец, но тем не менее.

– И когда она вернется, я не знаю! – отчеканила Надежда Николаевна, поскольку Верин муж (или кто он там на самом деле) все еще ждал ответа.

– Жаль, – на этот раз он улыбнулся печально, но эта улыбка была еще привлекательнее прежней.

Надежда поняла, что никакого ножа у него нет, он ему просто не нужен. Его улыбки – вот настоящее оружие массового поражения женщин любого возраста и социального положения.

– Жаль, – повторил мужчина и шагнул навстречу Надежде. – А можно вас попросить...

«Можно, все что угодно!» – чуть было не выпалила она.

Надежда Николаевна Лебедева с трудом удержала эти слова и строго напомнила самой себе (беззвучно, разумеется), что она серьезная, основательная женщина средних лет, что она замужем и мужа своего очень любит, а этот провинциальный ловелас – тот еще тип, и с ним нужно держать ухо востро.

– О чем именно? – спросила она холодно.

– Да, в общем, это сушая ерунда... Когда Вера вернется, передайте ей, пожалуйста, эту записку.

Он достал из кармана ручку и блокнот, нацарапал на листке несколько слов и передал этот листок Надежде. Перехватив ее недоверчивый взгляд, снова улыбнулся и пояснил:

– Я просто пишу ей, что приехал, и сообщаю номер мобильного, по которому со мной можно связаться.

– Ладно, – смилостивилась Надежда, – подсуну под дверь ее квартиры. К нам в тамбур посторонние не заходят, так что она непременно найдет записку, когда вернется.

Верин муж, видимо, вполне уловил подтекст этой фразы. Он поблагодарил Надежду, одарил ее на прощание еще одной улыбкой из своего смертоносного арсенала и уехал на лифте.

А она открыла дверь тамбура, немного отдышалась, чтобы отойти от всех этих улыбок, протолкнула записку под дверь соседской квартиры и наконец вошла в свою собственную.

Бейсик встретил ее возмущенным мяуканьем: где, мол, ты шляешься вместо того, чтобы лелеять и баловать своего единственного и неповторимого кота?

– Бейсик, отвяжись! – грубо проговорила Надежда. – Не до тебя, честное слово.

Кот фыркнул и ушел на кухню, всем своим видом показывая, что вечером наябедничает Сан Санычу на его невежливую и невнимательную жену, которая совершенно манкирует своими обязанностями.

– И пожалуйста! – отмахнулась от него Надежда Николаевна.

Ее сейчас интересовало совершенно другое.

Она в третий раз подметала абсолютно чистый пол в прихожей, вытирала давно вытертую пыль и делала еще тысячу ненужных дел, только бы оставаться поблизости от входной двери.

И еще она все время прислушивалась к звукам, доносящимся с лестничной площадки и из тамбура.

Кот некоторое время обижался, но потом его заинтриговало поведение хозяйки, и он явился в прихожую мириться. Надежда и на этот раз никак на него не отреагировала, проще говоря, отфутболила, да еще ни за что ни про что шлепнула пыльной тряпкой, чтобы не крутился под ногами.

Кот после такого почувствовал себя оскорбленным до глубины своей тонкой и чувствительной души и окончательно удалился на шкаф, чтобы не слезать оттуда до прихода хозяина.

Но Надежда этого просто не заметила.

Наконец ее терпение было вознаграждено: раздался приглушенный звук подъехавшего лифта, дальше хлопнула дверь тамбура и лязгнули замки соседней квартиры.

Именно той квартиры, где обитала таинственная молодая женщина, которую Надежда все никак не могла привыкнуть называть Верой.

Соседская дверь захлопнулась.

И тут Надежда Николаевна повела себя, прямо скажем, недостойно.

Она вооружилась шваброй и совком и вышла в тамбур, делая вид, что собирается там подмести.

И, разумеется, немедленно оказалась у соседской двери и прижалась к ней ухом.

Она не думала о том, как выглядит со стороны. Не думала, что будет, если соседка сейчас откроет дверь. Или придет с работы кто-нибудь еще из соседей. Она вся обратилась в слух.

И почти сразу услышала, что соседка с кем-то разговаривает.

Поскольку голос был слышен только один, нетрудно было догадаться, что говорит она по телефону.

К счастью для Надежды, разговаривала она в прихожей, недалеко от двери, так что слышно было неплохо.

– Да, это я, – проговорила женщина приглушенным голосом.

На какое-то время она замолчала, видимо, слушала ответ. Потом снова заговорила – вроде бы оправдываясь, но при этом раздраженно.

– Да, я знаю, вы велели не звонить по этому телефону, он для экстренных случаев. Так вот сейчас как раз такой случай! Он сюда приходил, да-да, именно он!.. Нет, он меня не застал, но оставил мне записку.

Женщина прервалась, затем выпалила:

– И что мне делать? Что, если он вернется?

Она снова замолчала. Надежда вся превратилась в слух.

– Текст записки? Сейчас прочту.

За дверью зашуршала бумага, и снова раздался голос:

– «Я приехал и очень хочу тебя увидеть. Понимаю, что ты чувствуешь, но ты должна дать мне еще шанс. Мой телефон такой-то. Непременно позвони! Твой В.». И что мне теперь делать?

Женщина за дверью снова замолчала, на этот раз надолго. Потом громко продиктовала цифры номера, который был в записке. Затем она швырнула телефонную трубку и что-то раздраженно пробормотала. За дверью раздались шаги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.